

Олень и демон, или Слишком много сыщиков

1. Две повозки

Казалось бы, надо радоваться: если младшего советника Полотняного приказа, опытного сыщика отправляют из Столицы не со служебным поручением и не в ссылку, а в благочестивое паломничество — наверное, это значит, что Столица пребывает в мире и спокойствии. Глава дома Конопля, старый господин Асано, молвил своему младшему родичу Намме: «Дети твои подросли. Поезжай, покажи им наш Южный город». То есть прежде всего — родовую святыню дома Асано: святилище, где пребывает за занавесом Конопляная Дева, чтимая в обличье Чуткой ко Звукам. Кроме особых случаев, смотреть на неё могут только женщины — ибо если её увидит мужчина, то потом все земные жены и девы станут ему постылы. Всё вроде бы правильно: и дело благочестивое, и на службе действительно некоторое затишье... А всё равно младший советник Намма насторожился. Но, конечно, повиновался.

Западный город хранит память славной древности — времён собирания страны. В городе Южном, как говорят, всюду веет благоуханием той поры, когда уже воссоединившиеся земли обретали единые державные законы и единый Закон Просветлённого. А для самого Наммы воспоминания о старой Столице — это запахи книжного клея и храмовых курений: тут он когда-то учился. Ибо глава дома некогда распорядился: пусть лучше парень войдёт в пятёрку первых в Южном училище, чем окажется пятнадцатым в Срединном. Или, хуже того, обставит на испытаниях сына какого-нибудь вельможи и загубит тем самым всю свою будущую службу! А за стенами училища пахло масляными пирожками из съестных лавок, а из мастерских — стружкой, лаком, тёплой медью...

Государь уже сто двадцать лет как перебрался в нынешнюю Столицу, послушный воле родных богов и

явленным ими знамениям. А Южный город оставили Просветлённому и его монахам. И верно: с тех пор они уже меньше вмешиваются в дела державы, чем в старые времена.

Обученный гонец на сменных лошадях за сутки может добраться от Срединной Столицы до Южного города. Младший советник с детьми едет на волах, неспешно. И невелико семейство, а в одну Намину повозку все не влезли — хорошо, что господин Асано по такому случаю ещё и свой возок предоставил. Этот возок и катится со скрипом по дороге: правит верный возчик Урасака, внутри — сам Намма и коробья с дарами. Подобало бы сидеть чинно и недвижимо, но время от времени младший советник высовывается, оглядывается на собственную повозку, поспешающую следом. Там — дети и ни одного взрослого! Мало ли что!

На самом деле не такие уж дети едут в заднем возке. Барышня Намма совсем большая, ей доводилось ездить с батюшкой и подальше. Служанка её Рю, хоть и младше, и родом из дальних краёв, тоже уже набралась дорожного опыта. Хотя ещё кто знает, как посмотрят в Южном городе на эту девицу: сама смуглая, волосы короткие, кудрявые, как у Просветлённого, — будто она не с наших Облачных островов, а из самой Индии!

Девиц сопровождает молодой господин Намма — на пару лет моложе сестры, но тоже уже степенный юноша, школяр Столичного училища. Подскакивая на колдобинах, вперился в учёную книгу по военному делу и только морщится, когда спутницы повизгивают. Намма-старший в его годы глазел бы по сторонам — а если бы читал, то сводки о каких-нибудь современных правонарушениях, а не наставления древних колесничих.

Хорошо хоть лук молодого господина со снятой тетивой надёжно упакован. А то мало ли что...

Правит детским возком Урасакин сын Таро — правит и дуется: было бы занятнее попытаться поладить с незнакомыми волами господина Асано. Но

отец решительно отказал. Ладно, зато — длинная дорога, так долго без смены Таро ещё никого не возил. И пока всё хорошо, ни разу не опрокинулись!

Из Срединной столицы горы не видны даже в ясный день: только холмы да одинокая вершина Эй. А здесь уже на третий день пути впереди показалась настоящая горная гряда, и чем ближе к югу, тем чётче: поля ступеньками, зелёный лес на склонах, а ещё выше — синие дальние хребты. Если глядеть с этой дороги, страна не раздвигается вширь, а словно бы уходит вглубь. И там, где донце этой чаши, стоит Южный город.

Уже на подъезде младший советник спохватился, заглянул в календарь. Благоприятен восток! Значит, город обогнём, забирая влево, чтобы въехать в восточные ворота? Но тогда получится, что направимся-то мы на запад! В общем, пришлось остановиться для размышления.

— Так как едем-то? — спрашивает Урасака.

— Сворачивай в ближайшую деревню, там должен найтись гадатель! — махнул рукой Намма.

В пригородном селении — всё для проезжающих: ночлег, баня, кабак, проводник-монах для прогулок в горы — зверского вида малый, надо сказать...

— Не желает ли господин приобрести живых существ для отпущения на волю? Птицы, рыбы, гады... Дело милосердное, пойдёт вам в заслугу, пригодится для будущих рождений...

— Наш господин живых существ больше сажает, — мрачно отваживает Урасака мужичка с клетками. — Нам бы гадалщика: где тут в город въехать лучше?

— А нигде! — ехидно откликается торговец живым товаром. — Всюду хуже! Скоро Властитель Земель прибудет, вперёд себя прислал сановника. И вот, извольте видеть, все подъездные дороги чинят, перекопали сплошь...

Вот, значит, в чём дело. В Срединной Столице пока и речи не было о том, что Государь этой осенью отправится куда-то — но Конопляный господин, он же

глава Палаты обрядов, конечно, был осведомлен прежде всех. И счёл, что кроме дорожных рабочих в Южном городе пригодится сыщик из Полотняного приказа. Вот бы ещё предупредил, что именно тут не так... Но, видимо, придётся разбираться самому.

— А где олени? — спрашивает девица Рю в заднем возке молодую госпожу. Всем — даже ей! — известно, что в Южном городе прямо по улицам бродят ручные олени. Но охотиться на них нельзя — потому что их выпустили на волю во славу Просветлённого.

— Ещё не тут, — отвечает барышня. — У этого дядьки всё больше воробьи. И те полудохлые.

— Так спешите приобрести, барышня! Сдохнут, дурная примета получится.

— А ведь разносчик прав, — подаёт голос братец. — Купить, выпустить, куда полетит — там и объезжать. Так некогда поступил левый воевода царства У.

— И что?

— И взял натиском неприступный город!

Младший советник слышит краем уха все эти переговоры, тяжело вздыхает и лезет в рукав за мелочью: почему бы и нет, в конце концов?

2. Замшели

Урасака недаром провёл молодость в Южном городе: до здешнего дома нашёл дорогу по задворкам да переулкам, минуя главные улицы, которые и впрямь местами раскопаны. Но подъезда к Конопляной усадьбе не может не быть: там большие склады с бумагой, полотном и прочим добром.

Старенький домоправитель встретил Наммино семейство со всем возможным радушием. Начали разгрузку даров. Младших Намм, чтоб не мешали, отослали в сад.

— Какой же это сад? Это лес! Сосны!

— Это был лес, — решила Рю. — Или будет. Но пруд тут рытый. И огород вон там. Нет, не лес.

Задрала голову:

— И гнездо — воронье, как в городе.

— Это потому, что тут близко Подгорный край. Там вороны — священные птицы. Так что по ним лучше камнями не кидаться и живьём не ловить.

Рю делает вид, что не больно-то и хотелось.

Вообще усадьба тут — просторная, куда больше, чем в Срединной Столице на намминой Шестой улице. И чуть ли не обширнее, чем у самого Конопляного господина. И в пруду вода выше стоит, а в воде кто-то шумно плещется.

Сам дом — всё тот же, что пятнадцать лет назад, и почти не обветшал с тех пор, как его чинили после пожара. Младший советник задумчиво обводит усадьбу взором: когда он сюда впервые прибыл учиться — был моложе, чем сейчас его сын. По этому пруду плавал на плоту в Китай с приятелем, запасшись в дальний путь луком с огорода. Здесь во время смуты мятежники захватили школяра Намму и полдюжины челядинцев в заложники — и глава дома Асано в переговоры вступать не стал, усадьбу велел поджечь, а по всем, кто выбегает из огня, стрелять. Конопляный дом не терпит, когда его запугивают. Уцелел тогда Намма, можно считать, чудом. И слава богам, кажется, с тех пор ничего хуже с ним уже не случилось.

Домоправитель появляется беззвучно рядом — не заговаривает, но смотрит с вопросом.

— Что такое? — спрашивает Намма.

— Здесь поговаривают... Верно ли, что Властитель Земель осенью к нам будет?

Младший советник молча поводит бровью: мол, похоже на то, но распространяться об этом он не станет. Сказано же: Государь в своей земле может явиться где угодно, во всякий час. И исходить следует из того, что нагрянет он именно к нам. И быть готовыми.

— Господин из Дворцового приказа тут уже развернулся... Все казённые присутствия обошёл, всюду изволил ругаться. Замшели мы, мол...

— Который?

— Да Буревой...

Намма хмыкает. Буревой господин, внук покойного царевича, выведенного из Государева рода и получившего прозвание Араси, в Срединной Столице своему прозванию особо не соответствовал. Прославился больше как любитель всего изящного, искусный музыкант, тонкий кавалер, разве что в стихосложении уступающий царевичу Оу. Если такой человек месяц-полтора не появляется во Дворце — это никого не удивляет. Но, оказывается, он не отлынивает от службы, а готовит Южный город к прибытию Государя. И даже всех тут успел застращать...

Но младший советник в Южный город приехал не по службе — по семейному делу. Спешить представляться не обязательно. И в любом случае правильнее будет сперва написать наместнику, учтиво известить о прибытии. А если уж тот изволит пригласить — не миновать и с господином Араси у него встретиться. Заранее гадать, что они скажут и ради какого непорядка сюда отправлен Полотняный чиновник — нет смысла. Увидим.

А пока Намма прошёлся по дому. Нашёл не только ветхие тетради, но и свою старую лютню. Спросил, нет ли в запасе струн, — нашлись. Натянул, попробовал — ох, как заметно, что столько лет отвыкал...

Дети услышали, прибежали, удивились:

— Батюшка! А почему ж ты дома не играешь?

Да разве ж это игра — школярские забавы, песенки в южном вкусе...

*Досточтимого двойной чаркою почтим —
Да не станет от того мене досточтим!*

И так далее. В Столице подобное петь неприлично, тем более — служилому Полотняного приказа. Так лютня тут и осталась...

— Прекрасно! Прекрасно! — воскликнул

почтительный сын. Вытащил из рукава флейту, стал посвистывать. И ведь похоже, знает эту песенку. Из Училища вынес или из Обезьяньего дома, от материнной родни?

Внук домоправителя заглядывает, кланяется:

— Письмо господину!

Кто же это так быстро обратил внимание на суету в Конопляной усадьбе?

Рад услышать о твоём прибытии. Заходи вечером в гости. Я живу на прежнем месте, только перестроился немножко.

И печать.

Давно младшему советнику никто не пишет вот так запросто. Это Нанкан, из младшей родни Колокольного дома. Когда-то вместе учились. Признаться, Намма много лет не справлялся о том, как его дела по службе. Помнит только, что начинал Нанкан в здешнем отделении Дворцового приказа. Выходит, всё ещё тут. Что ж, можно и зайти...

3. Однокашники

Вот посмотришь на товарища, которого полжизни уже, считай, не видал, — и задумаешься: неужто и я так же обрюзг? А смотришь в зеркало каждый день, когда бреешься, и вроде не заметно... И при этом, как ни обидно, Нанкан по-прежнему чуть не на голову выше Наммы. Шумно приветствует, вспоминает какие-то давние проказы — а глаза тревожные. И пьёт так, словно с духом собирается что-то выложить. Неужели в первый же день — донос?

Так-то вроде бы у Нанкана дела идут неплохо. Старший помощник блюстителя здешней Государевой сокровищницы — должность ответственная! Сам-то блюститель — из большой знати Копейного дома, в Южном городе почти не бывает, блистает при дворе и делом не занимается — всё на плечах помощников. Не

всегда легко сравнивать Дворцовый и Полотняный приказы — но по большому счёту Намма с товарищем продвинулись вровень, может, Нанкан даже чуть опережает...

Только подумал — и конечно, речь зашла о Полотняной службе:

— Ты-то на своём месте наверняка всякого навидался... Нет-нет, я ни о чём тайном не спрашиваю! Но — посоветоваться хотел. По семейному вопросу.

Так. Вроде бы из Колокольного дома сейчас в Полотняном приказе никто не состоит на подозрении более обычного. Дочь главы этого дома только что вышла замуж за Государева Наследника, так что проверялись все родичи дотошнейшим образом. Ну, иногда так и всплывают неожиданные сведения — не при негласном расследовании, а за дружеской попойкой.

— Я тут, видишь ли, женился... Нового назначения не жду, так что — на меньшей дочке господина Юимы.

Гм! Насколько помнит Намма, Юима — это был один из индийских знакомцев самого Просветлённого. Кого это тут так прозвали? Очень, впрочем, в духе Южного города, где монахов — как в Столице чиновников...

— Он сейчас — старший в Дозорном роду.

Весьма почётный брак. Дозорные — из столь же древних сподвижников Властителей Земель, как Конопляники, Колокольники, Копейники... Много отличились в минувшие столетия. Но когда Государи переехали в нынешнюю Столицу, Дозорные остались тут, на юге. Тем более что они много лет роднились со соседним Подгорным домом. Дочь главы такого рода — невеста завидная для любого из младших ветвей.

— Поздравляю!

Нанкан опрокидывает чарку, смотрит хмуро:

— Спасибо. Только я уж и не знаю — есть ли с чем? У меня, понимаешь ли, возникли некоторые...

сомнения.

При неравном браке такие сомнения часто возникают, конечно. Иногда ещё и агукают...

— Неудобно как-то, когда не понимаешь — жива твоя супруга или нет?

— То есть как? Без вести пропала?

— Да нет, вообще она тут, дома... живёт. Кажется. Только по речам её совсем другое выходит. Пока их за пределами усадьбы никто не слышал, но...

— А что за речи?

— Она утверждает, что умерла. От моей, понимаешь ли, руки! — всплескивает рукавами Нанкан.

Конечно, у самого Наммы брак тоже сложился не самым удачным образом. Бывшая госпожа Намма неоднократно заявляла: «Ты меня до могилы доведёшь!». Но всё-таки — не настаивала, что уже довёл...

Намма выжидательно смотрит на товарища. Тот продолжает:

— При этом — вполне осязаема, и ноги у неё есть вроде... На призрак не похожа. Но — бродит ночами, не ест ничего... Вообще ничего! Монахов звал, кто понадежнее и болтать не станет, — без толку! Тоже ничего не понимают и только призывают уповать на лучшее. Или осознать по такому поводу, что жизнь любого из нас — лишь туман поутру, так-перетак!

Младший советник прикрывается веером:

— А как, по её словам... ты её погубил?

— Как — как! В застенке сгноил, видишь ли!

Странно. Допустим, женщина из такой влиятельной семьи не поладила с мужем. Что мешает попросту вернуться в родительский дом? Даже если бы захотел, Нанкан не смог бы этому помешать. Запереть жену в доме так, чтобы об этом не узнала челядь её отца, не подняла бы шум, — очень непросто. Тем более если приглашать в усадьбу ещё и монахов.

А если устами госпожи Нанкан говорит кто-то другой? Опять-таки очень по-здешнему, как в

рассказах о Просветлённом: ты в прежней жизни был тюремщиком, а я узником, ты меня уморил, и связь наша стала неразрывна, на многие перерождения... Правда, зачем тогда от еды отказываться?

— Ну, хорошо, монахи смотрели. А лекарь?

— Да каких только лекарей тут не было! И храмовники, и миряне, даже один китаец. Они зелья стряпают, супруга не принимает. Костоправку только признаёт. А чем от истощения поможет костоправка?

Бывшая госпожа Намма оба раза, когда носила детей, в первые месяц-два есть почти ничего не могла и в настроении бывала отвратительном. Может, и тут дело в этом? Но нет: беременность хороший лекарь уже бы распознал.

— А жрецы что говорят?

Если кто одержим духом или божеством, жрец это чует сразу. Насчёт монахов младший советник не так уверен.

Нанкан мнётся:

— Я и решил сперва тебя спросить. Пойми: я ж над этим уже давно думаю. Иногда кажется: может, я правда кого-то убил, спьяну или нечаянно? И сам того не помню. Но если это так... Я хотел бы сам узнать это раньше, чем тесть. Его родня, которые жрецы, не тут, а за городом, у них в горах родовое святилище.

Намме уже доводилось слышать, как человек признался в тяжком преступлении, хотя и не помнил, как и что именно совершил. Правда, тот оказался невиновен. И без одержимости в том случае не обошлось...

— Но тогда при чём тут застенки?

— Не знаю!

Может, это она уже о подземных темницах, адских?

— Ну, и что я тебе могу ответить? — вздыхает младший советник. — Челядь я готов опросить, но это ты и сам наверняка делал. Саму госпожу допрашивать — у меня нет таких полномочий.

— Даю! — взмахивает рукавом Нанкан.

— Вот если бы, — пытается Намма объяснить мягко, — твоя супруга не изустно высказывала свои обвинения, а написала, извини, донос... Но тогда бы, я думаю, к тебе уже приходили из здешней стражи. Или от тестя. В Полотняный приказ таких писем насчёт тебя также не поступало.

— Таких? — спрашивает Нанкан несколько изменившимся голосом.

— Да никаких.

Помощник блюстителя сокровищницы решительно встаёт:

— Пойдём! Поговори с ней.

4. Костоправка

Никакого разговора не получилось. Госпожа Нанкан сидела за занавесом, протяжно вздыхала, шуршала платьем, под конец даже, кажется, разбила какую-то чашечку — но не вымолвила ни слова, даже не ответила на стихи, которые попытался сложить и прочесть младший советник. Впрочем, это, может, и к лучшему: стихи получились так себе, остроумная дама могла бы и засмеять. В любом случае — неудача. А отступить поздно — и старый товарищ надеется на помощь, и самому уже любопытно.

Так что Намма узнал у Нанкана, где живёт костоправка, послал за ней, а сам мрачно отправился домой. И сразу объявил, что с забавами да с посещением мирских знакомых временно покончено — пора уже приступить к посту перед посещением святилища! Сын заикнулся было: «А лютня? А флейта?», — но младший советник остался неумолим. Благочестивых песен он не знает, а для разгульных — не время! И лука со стрелами распаковывать тоже не велел.

Взял из усадебного книгохранилища «Книгу о Юиме» — том, древнем. Назидательное чтение как раз для поста. По обыкновению, стал пытаться применить

прочитанное к жизни. Вот Юима, хитроумный индийский мирянин, сказался недужным. Не умершим, но тяжко больным. Для чего он это делает? Чтобы Просветлённый выказал ему сочувствие, лично зашёл проведать. Может быть, и у госпожи Нанкан замысел тот же: залучить кого-то к себе в дом? Родича? Нерешительного влюблённого? Кого-то из знаменитых монахов, кто на обычное приглашение может и не откликнуться? А вместо этого явился сыщик из Полотняного приказа...

Что дальше: к Юиме приходят Просветлённый с толпою монахов-учеников, расспрашивают, а он хранит молчание. Пожалуй, к нашему случаю подходит. А это в книге для чего? Доказать, что обычными словами главного не выразишь. А что главное? Для Юимы — суть Закона, которую он понял, хотя и не постился, не избегал мирских трудов и удовольствий. И эту его загадку — чему на самом деле учит Закон — не отгадали даже самые опытные монахи. Где уж нам с Нанканом...

Затем начинаются чудеса. К гостям выходит красотка-музыкантша, что живёт в доме Юимы. Один из монахов её укоряет за распутство — и вдруг сам превращается в девицу. Правда, лишь на время. Госпожу кто-то обидел, может, даже сам Нанкан, указав на слабости женского нрава, и теперь она хочет преподать ему урок? Но чудес пока не творит, и то хорошо. Если-таки не творит...

Тут, наконец, явилась костоправка — молодая ещё крепкая мосластая девица, повыше Наммы ростом. Хмурая, но уверенная: начала с того, что Намма — не первая из столичных особ, кого ей мять. Она сегодня и у госпожи Убаи уже работала ...

Младший советник попробовал вспомнить, кто эта госпожа. При дворе она вроде бы не блистает... Кажется, о ней упоминала бывшая госпожа Намма, только вот в связи с чем?

По оценке костоправки, Намма и впрямь не в лучшем виде.

— Служба у вас, видать, была раньше разъездная, а теперь сидячая. Тело тяжело привыкает.

Проницательна, однако! И сильна, ловка — как начала крутить суставы, только треск пошёл, но вроде ничего не ломается... Только очень сложно сосредоточиться на осторожных расспросах, когда свидетель тебя месит и отбивает, как тесто... Так что младший советник только кряхтел да охал. И уж потом, когда девица своё дело закончила, оба отёрли пот и перевели дух, он осведомился о госпоже Нанкан и её нездоровье.

— Это, барин, не пройдёт, — отрезала костоправка. — Если я с каждым, кого пользую, буду остальных обсуждать — без работы останусь. Зато и вы не беспокойтесь: станут меня спрашивать, нет ли у приезжего господина из столичного приказа, к примеру, хвоста, — я ни слова не пророню!

И обязательно ли было, скажите на милость, так сразу уж и сравнивать заказчика с развратным змеем? И так дети, похоже, смутились. Ведь известно: к мужчине для здоровья приглашают мужчину же костоправа, а если девицу — то чаще для иных упражнений... Не говоря о том, как поймут в Южном городе такую её сдержанность на язык те, кто станет любопытствовать о телосложении приезжего чиновника...

За пологом — шуршание и шёпот, потом высовывается лохматая голова Рю.

— А как ты вот это делаешь? С локтем когда? Я пробую — не выходит. Руки же так не гнутся!

— Это на словах всяко не объяснишь, — отвечает нахальной девчонке мастерица. — Навык нужен.

— Мы тут на время, — говорит Рю и делает умильную рожицу, надо сказать, довольно жуткую при её-то дикарских чертах. — Скоро обратно. Научи, как господина так мять!

— Так — всяко не научить, если вы тут ненадолго. Кое-что показать могу, если господину будет угодно. Но за урок — плата та же, что за саму работу.

В любом случае так будет действительно приличнее — если костоправка ходит в дом наставлять челядь. Авось удастся её всё же разговорить. Так что Намма даёт своё дозволение и договаривается прямо на завтрашнее утро.

— Вдвоём учить и учиться трудно. Нужен кто-то для примера. Лучше — чтоб покрепче.

— У нас возчик есть! И сын его! — радостно сообщает Рю.

Намма пообещал к утру обеспечить смиренное тело для упражнений. Костоправка удалилась, получив своё вознаграждение.

— Хорошо я придумала? — спрашивает довольная Рю. — Ты скажи, чего надо спросить о той даме. Я между делами...

— Во-первых, между делом, — слышится из-за полога голос барышни. — Во-вторых, придумала не ты, а я... ну, мы вместе. А в-третьих, хотела бы я знать: что скажут Урасака и Таро?

Урасака твёрдо заявил, что сына он этим девицам не отдаст — одной он не знает, а другую знает слишком хорошо. Но, являя покорность господской воле и родительскую любовь, готов пожертвовать собой. Хотя и не уверен, не будет ли ему необходимо после столь тяжких испытаний немножко нарушить объявленный пост...

На том и сошлись.

Левый голос

Все смертные перерождаются, чтобы в новой жизни избыть прежние свои страсти. Жестокие — мучениками ада, жадные — голодными бесами, глупые — ибо дурака валяют люди тоже со страстью, иначе не выйдет настоящей дури, — глупцы, стало быть, рождаются животными. Гневные — демонами, весёлые — богами. А кто в себе человека ценил выше всего прочего, тот человеком и рождается, уж на счастье себе

или на беду.

Одна страсть у меня точно осталась: ночью обозревать Южный город с возвышенного места. Пусть облачно и без луны — но даже слабый звёздный свет играет на золотых верхушках храмовых башенок. Густые деревья, где-то внизу среди них огни в домах. Ученые монахи читают на ночь, а кто и до утра собрался предаваться бдению. Служки и школяры тайком пируют — тоже не впотьмах. Как раз сейчас скидываются, должно быть, и спорят, кому идти за добавкой. Изредка по улице стража проносит свои жёлтые фонари. И конечно, в храмах пред изваяниями горят негасимые светильники.

Можно ли впервые в нынешней жизни увидеть город — и почуять, как давно по нему скучал?

Я сыграю «Старую столицу». Какая разница, что напев сложен в Китае, в тоске о совсем другом городе?

Когда направлялся сюда, я думал: вот, войду в ворота, а мне навстречу такой-то. Ба! — скажет, — это ты? Никак, живой? А я в ответ: да нет, умер. В самом деле: уйти безвозвратно, не возрождаться больше — не с моими прежними грехами. Стало быть, вернулся.

А получается, за пятнадцать лет многие умерли, кто меня мог бы помнить. Кто остался, в упор не узнают. Или это мне кажется, что я мало изменился: ни рогов, ни рыжей шерсти, ни платья из тигриной шкуры. Но со стороны, наверно, виднее.

Или спросили бы меня, как в назидательных книжках живые вопрошают: ну, и каково оно — там, после смерти? Я сказал бы: помирать — погано, тут жрецы и монахи правильно учат. Тяжко и погано. Насчёт же нового рождения объяснить сложнее. Оно незаметно приходит, особенно когда родишься не из утробы, не из яйца или какой-нибудь икры, а превращаешься. Зато никаких мук рождения, память о прошлой жизни сохраняется отменно. Иное даже слишком чётко помнится.

Наставник задал бы вопрос: чему ты выучился за

эти годы? О-о! Многому. Знаю теперь «Медвежий край», «Привольный край», «Провальный край», «Лесную глушь», «Нищие пустоши» и даже «Дикий север». «Засуху», «Осеннее ненастье», «Снег» — и то самое, кажется, тайное, весеннее: «Деревья зелены, цветы красны». «Жалобы скитальца», «Битую чашку» могу преподать, если кому надо. И напевы, не вошедшие в прежние перечни, такие как «Погоня», «Заточение» и «Дерзкий побег». Они хороши, за них щедро подают. А не в том ли наша задача, чтобы откликнулись сердца народа?

На самом деле я ведь тебе остался должен, учитель. Вот, готов рассчитаться.

Кое-кто при моём явлении — я воображал — исказится в лице и опять-таки воскликнет: ты? И тут я ему сыграю свою «Гневную». Он тоже меня не узнал, но любопытнее другое: похоже, тот гнев расточился. Весь вышел, когда я возрождался демоном? Да нет, потом я «Гневную» играл, и не раз. Всевозможные мерзавцы принимали на свой счёт, слезами заливались, окарачь ползли! Один аж постриг принял, говорят, сделался большим праведником...

А сейчас — не хочется «Гневной». Э-э, может, музыка в самом деле исправляет нравы? Не на что стало злиться в Облачной державе? Или это я сам уже на пути к святости, простил всех обидчиков, подобно Никогда не презиравшему? Точнее, наоборот: возомнил себя бесконечно выше их всех. Чванство свойственно демонам не менее гнева. И оказывается, плохо с ним совместимо.

Ну, нет: до святой жизни мне точно далеко. Раньше я не знал за собою страсти к женскому полу. Тем более — к дочерям знатных семей. Теперь буду знать. Мне с нею нравится.

5. Хуже людоеда

Утром костоправка и впрямь явилась. Рю и барышня Намма к тому времени уже выпросили у

младшего советника, что надо разведывать — хотя он и старался быть сдержан в изложении. Барышня очень жалела, что ей самой поучаствовать не удастся, но тут уже ничего поделаться нельзя — неприлично! А младший советник не удержался: погодил немного и занял место за занавесом, где вчера сидели девочки. Двигаться бесшумно он мог бы и в полной тишине, а когда трещат кости и кричит Урасака — это и вовсе не мудрено.

Впрочем, хотя возчик и громко сетовал сперва на свою участь, но постепенно, кажется, приспособился и даже начал осторожно любезничать с костоправкой. Её, как выяснилось, зовут Ясия, хотя Рю исправно обращалась только «наставница».

Но ни лесть, ни усердие ученицы особо не помогли: про госпожу Нанкан костоправка молчала. Зато о самом помощнике хранителя сокровищницы высказалась крепко:

— Он на вид-то кроток да сладок, а сам — хуже людоеда!

— То есть людей не ест, а даже хуже? А кого? Монахов?

— С монахами-то он как раз ладит прекрасно. Они тут в силе. Слабым — хуже приходится.

— Ах! И супруга от него, видать, натерпелась? Бедная!

— Что мне до его супруги! А вот как попадётся ему какая дура беззащитная...

— Ну, это ты точно не о себе! — простонал Урасака. — Рю, ты болтать-то болтай, да смотри, что делаешь!

— Ой, извини...

Выяснилось в итоге вот что. Есть у костоправки подружка по имени Нурико, сирота, но девушка дельная. Она — из старой здешней семьи, её предки уже чуть ли не с основания Южного города тут по лаку работают. И дерево пропитывают, и расписывают, и по твёрдому лаку режут. Девочек тоже учат. Работа хорошая, в храмах часто требуется. Одна беда — лак

этот, по сути, отравя, кто с ним возится — долго не живёт. Вот и Нурико осиротела рано. Братьев у неё нет, но получилось договориться: она работала, а числилось, будто ещё её отец жив и заказы принимает. И все эту мастерицу ценили, даже в государевой сокровищнице. Только лучше бы ей с той сокровищницей век дела не иметь...

— Пристают? — со знанием дела спрашивает Рю.

— Да не то чтобы... Она сама втюрилась. При сокровищнице мастерские есть, там со всякими старинными драгоценностями работают, чинят, когда те от ветхости начинают разваливаться. Кусочек сгниёт или соржавеет — тотчас и заменяют, не отличить. Всё всегда — как новое! Вот есть там один мастер, Ранкзэм зовут, они и раньше знакомы были, потому что он с деревом работает. Не со всяким, а из которого музыкальные снасти делают. А они бывают из таких пород, которые тут вообще не растут, из-за моря везти надо!

Рю являет чудо: в другой раз она бы не удержалась и начала перечислять, какие у неё на родине есть деревья — не здешним чета! Это она часами может. А так только кивает, хлопает глазами и изображает внимание. Даже Урасаку в покое оставила.

— Ну так вот, мастер этот, Ранкэй, очень ей понравился. И всё у них уже пошло было на лад, но тут дали ему чинить старую-престарую лютню из сокровищницы. Знаменитую какую-то, со своим именем — «Оленем» зовётся. Он работает себе, вроде всё получается — или это он только так говорил, — а Нурико повадилась к нему в гости ходить. Ему во время работы из мастерской никуда нельзя, так она ему еду носила. Вот и доносилась...

— Начальство засекло и запретило им встречаться? — подаёт голос Урасака.

— Кабы так! Хуже. Как-то Нурико к своему приятелю зашла, покормила его, отправилась к себе лак варить. Тут хватились — а лютни этой и нету! Как в

воду канула. Господин Нанкан стал трясти мастеров, кто тут был посторонний, они Нурико и выдали. Тут уж Нанкан за неё взялся — и допрос учинил, и обыск; ничего не нашёл, конечно — только так запугал девчонку, что та взяла и призналась.

— Так она лютню-то спёрла или нет?

— Ты лежи давай! Вот смотри, Рю, как нужно потянуть...

— Ох!

— Ничего она, конечно, не крала, — продолжает Ясини, не покладая рук. — Зачем ей этот Олень-то? Да и как бы она его вынесла из мастерской — мимо мастеров, мимо охраны? Эта ж лютня — она, считай, с полменя!

— Я видела, какие они бывают, — кивает Рю. — Здоровенные.

— А Нурико сама-то немногим тебя крупнее. И в одежке была в рабочей. Но вот — призналась. То ли хахаля своего отмазывает, то ли просто перепугалась. Её — под замок, каждый день пытаются: куда дела, кому сбыла? Дома-то у неё, конечно, ничего не нашли — ни лютни, ни денег. Она — молчит: не придумала, видать! Только Нанкан этот её всё равно не выпустил — и чую я, загубит. Уже бы казнил, злодей этакий, что ему наши слёзы-то? Только, небось, надеется, что она всё ж таки что-то ему скажет, чтоб лютню эту проклятую разыскать. К нам же Властитель Земель собрался. Вот приедет он, зайдёт в сокровищницу и молвит: «А подать мне Оленя — хочу богов и будд игрою потешить!» И тогда Нанкану этому — конец! Только ведь и Нурико-то — тоже...

— А что ж он настоящего вора не ищет?

— Ну так, может, и ищет, только что проку, коли не находит? На худой конец, есть кого обвинить — сама, мол, призналась... Только и ему это не поможет, помяните моё слово! Государь-то справедлив — не даст ему невинной головою откупиться. Головы, они как начнут лететь — чай, одною не обойдётся...

— Страх какой! — тарашит глаза Рю. — И глупость.

— Вот то-то и оно, что глупость!

— Девицы! — жалобно вопиет Урасака. — Ну, понятно, что сволочь этот господин Нанкан, а лакировщица эта — дура. Но меня-то за что?

— Извини. Зря я это вообще, — хмуро ворчит костоправка. — Всё, на сегодня закончили. Не дело учить да учиться в расстроенных чувствах. Нужно — холодное сосредоточение!

Ушла, а Рю понеслась докладывать господину и молодой госпоже. Намма, хоть и сам всё слышал, пересказ тоже принял: в одной и той же речи порой разные люди и слышат разное.

— Может, господин Нанкан сам эту звериную лютню и украл? Или поломал нечаянно? — размышляет Рю. — А для вида валит на мастерицу. А для отвода глаз сетует на жену. Чтоб все говорили, что у него жена — ходячий мертвец, а не что он сам — вор.

Барышня Намма качает головой:

— Так тут одно другим не прикроешь. Только хуже. О, а если это правда он лютню взял — она ж, небось, чудесная, раз такая древняя? Пробовал госпожу лечить от безумия дивными звуками. А лютня от ветхости и рассыпалась...

Это вряд ли, конечно. Но сломать и впрямь мог кто угодно — а свалили на самую безответную из тех, кто рядом оказался. С другой стороны, не приложили ли к пропаже руку люди Нанканова тестя? Решили его проучить за что-то — но для этого простых неладов между мужем и женою мало, и одержимость — если она есть — оказывается ни при чём. Или тесть решил сперва подставить зятя, потом спасти — «Вот твоя лютня, а за это...» А что, собственно, за это? В любом случае, об этом Юиме наших дней стоит разузнать подробнее.

Кстати. Нанкан сам не уверен, не убил ли он кого спяну или в беспамятстве. Если сейчас в сокровищнице — не первые неприятности, уже что-то и раньше пропадало или было испорчено... Не прикончил ли Нанкан или не извёл в темнице кого-то из своих

подчинённых? Тогда дух погибшего вполне мог бы действительно вселиться в его жену, подобные случаи засвидетельствованы. Но что ж здешние монахи, на всю страну знаменитые, этого не заметили? Или заметили, но почему-то скрывают? Нет, лучше пока попробовать обойтись без гневных духов.

— Если господин дозволит молвить, — встречается Урасака, уже одевшийся и, кажется, оправившийся, — то как насчёт самого-то этого малого, который лютню чинил? Уж если влюблённая девица кого и прикрывает — так не иначе своего милого!

— А он и рад! — негодует барышня. И голос у неё сейчас совершенно как у её матери.

— С мастером потолковать действительно не помешало бы, — соглашается младший советник. — Господин Нанкан уже наверняка это сделал — но, видимо, бесплодно.

— И ещё, — говорит барышня. — А насколько эта лютня была поломана ко времени пропажи? Ну, или насколько починена? На ней играть-то можно было?

Между прочим, непраздный вопрос. Намма понятия не имеет, что это за сокровище — но если лютня очень старая, то могла уже испортиться и необратимо. Вот его собственная пролежала не десятилетия, а всего пятнадцать лет — и то звук уже не тот. Или это кажется?

К тому же, если в ходе починки лютня была разобрана на части, то части эти, наверное, вынести из мастерской незаметно было бы проще.

В общем, придётся потолковать с Нанканом начистоту. Вообще-то хищение из Государевой сокровищницы — преступление, о котором должно было бы знать Полотняному приказу. Мало ли какую порчу и на кого можно навести через этого Оленя!

6. Олени

Государева сокровищница — мощный сруб на столбах-опорах. Издали кажется приземистой из-за

низкой длинной крыши, а подойдёшь — и до порога рукою стоя не дотянешься. Брёвна стен отёсаны на три грани, топорщатся рёбрами; широкие двери — из толстых досок, как в темнице; даже в Полотняном приказе, пожалуй, хлипче.

Рядом бродят дюжие молодцы, явные охранники; несколько — привычным, размеренным шагом, а некоторые — ещё петляя и озираясь: похоже, ими усилили прежнюю стражу после недавних неприятностей. Увидев незнакомого чиновника, насторожились, направились к Намме неторопливо, но решительно.

Младший советник назвал, известил, что он — к господину старшему помощнику блюстителя. Охранники поклонились, один пошёл докладывать, остальные столпились, с Наммы глаз не спускают. Если бы он был злоумышленником, в это время его сообщники как раз зашли бы сзади сокровищницы и занялись чем захотели бы...

Из кустов у забора выбрался олень — довольно крупный, рыжий с белым. Приблизился, деловито растолкал стражников, принялся к новому человеку. Увы, у младшего советника в рукавах нет ничего вкусного. Фыркнул и величаво удалился. Гордость Южного города, любимый зверь Просветлённого. Они тут всюду ходят, где ограды не настолько прочны, как в Конопляной усадьбе, но предпочитают храмовые подворья и казённые места.

Тяжёлые двери наверху так и не отворились — Нанкан показался из-за угла, обогнул сокровищницу, дал отмашку стражникам — только после этого склонился в поклоне. Младший советник ответил на приветствие, тихо произнёс:

— Хотелось бы потолковать без твоих подчинённых.

Плечи старшего помощника поникают:

— А... Конечно, ты уже знаешь. Пойдём.

Служебный покой у него в соседнем доме, куда

более новой постройки. Нанкан услал письмоводителя, достаёт бутылку и чарки. Брага едва не расплёскивается. Надо бы отказаться — пост, но тогда у Нанкана уже точно не останется сомнений, что старый товарищ явился его хватать и вязать...

— Слушай, — говорит Намма. — Этот давешний разговор насчёт твоей супруги... С нею правда беда — или это ты так пытался привлечь моё внимание к своим здешним неприятностям?

— Правда, — вздыхает Нанкан. — Где пожар, там и потоп...

— Тогда начнём с потопов. Потому что про госпожу твою я пока понял одно: она умеет внушать преданность простолюдинам. Так чтостряслось с твоим деревянным Оленем и при чём тут лакировщица?

— Увели Оленя, — мрачно отвечает Нанкан. — Я, грех сказать, сперва надеялся, что — чудо, пусть и дурное. Нет, не похоже.

С его слов получается вот что: к скорому приезду Государя взялись подновлять всё, что обветшало в сокровищнице. В том числе и эту лютню — древнюю, заморскую, присланную в дар прежнему Властителю Земель самим китайским императором. Чинили её, конечно, не впервые, но до нынешнего раза не трогали уже лет двадцать-тридцать. Надо было натянуть новые струны, вычистить раковинные узоры на передней стенке, заменить ослабшие колки... Работы много и работа тонкая, доверена был искусному знатоку музыкальных снастей. Тот работал споро, уложился даже раньше срока — кроме струн, всё уже было готово. И тут лютня пропала прямо из мастерской, среди бела дня.

— А мастер куда смотрел? — Намма не спрашивает даже, куда смотрела охрана и начальство.

— Так на эту самую лакировщицу, скорее всего. Не надо было её пускать, моя ошибка.

— То есть она отвлекала внимание, а какой-то её спутник...

— Да одна она была, в том-то и дело!

Намма отхлёбывает из чарки:

— Ну, всяко не одна, а с мастером. То есть — эта парочка, получается, в сговоре?

Нанкан молчит, потом качает головой:

— Конечно, мои слова сейчас стоят недорого. Но я уверен: Ранкэй не вор. Я его давно знаю, из лучших здешних ремесленников — и честен. Да я уже и расспрашивал, и стороною узнавал — нет ли у него долгов, не готовится ли к большим тратам... Нет! В любом случае, пока Олень был у него в работе — он за него отвечал. Если бы украл — и сам бы поспешил скрыться, а он первым поднял тревогу.

— Он у тебя заперт сейчас?

— Ну... в общем, да. Под присмотром. Но работает — кроме Оленя, ещё много что подновить требуется.

— Я хотел бы с ним поговорить сам, — молвит младший советник. — Не казённым порядком пока, а чтобы разобраться.

— Мне ли возражать...

— Ладно. А что с признанием этой девицы?

Нанкан раздражённо взмахивает веером:

— А ничего! То есть ничего, кроме собственно признания. Я, мол, взяла. Как? Молчит. Для кого? Молчит. Где лютня сейчас? Молчит! Я уж и по-хорошему с нею, и по-плохому — всё без толку. Объясняю: если ты Ранкэя прикрываешь, толку от того не будет, коли лютню не найдём. Всё равно отвечать придётся не только ей, но и ему, и мне...

— А она?

— Молчит!

— Да... Город молчаливых женщин, — Намма отказывается от следующей предложенной чарки, усаживается плотнее. — Ладно, а если зайти с другого конца? Похищена всё же вещь диковинная, редкая. Кто бы мог на неё польститься, да так, чтобы пойти на отчаянное дело? Не боясь, что исполнители его выдадут, или презрев такую опасность?

— Я уже об этом думал, — мрачно отвечает Нанкан. — Перепродать Оленя — дело немыслимое, если кто заказал кражу, то для себя. Может быть, кто-то, кто так ценит старинные снасти, древнее звучание... В общем, подозреваемых у меня два — и оба... не очень убедительные.

— И всё-таки — кто они?

— Двое лучших здешних музыкантов. Лютнист и лютнистка, если точнее. Один — монах, досточтимый Тэмборин из храма Великого Мира. Уже старик, едва ли не все игроки Южного города у него учились. Знает такие напевы, каких уже никто не упомнит. И, как мне кажется, человек он не то чтобы бесстрашный — но если что в голову себе вобьёт, так уже не оставит.

— О нём я, кажется, даже слышал. Он ведь уже был тут в наши школярские годы?

— Да, конечно.

— А женщина?

— Её ты, наверное, знаешь лучше, чем я — она из Срединной Столицы. Отец её в прошлое царствование был наставником царевичей.

Да, был такой учёный муж. Говорили о нём разное, в том числе и то, что он свою дочь пытался пристроить в наложницы к одному из своих высочайших учеников. Если и так — то не получилось. А после воцарения нынешнего Властителя Земель его бывший наставник удалился от двора, принял постриг в Южном городе и, кажется, вскоре умер.

— Так стало быть, она ещё жива?

— А что бы ей не быть живой? — с некоторым пренебрежением поводит плечами Нанкан. — И мать-то её ещё довольно бодря. Обе тут живут, в Южном городе, монашествуют в миру. О старшей госпоже Убаи ничего дурного сказать не могу: слывёт женщиной нелюдимой, но очень благочестивой. Не такова дочь.

— А чем она отличилась?

— Ну, как сказать... Мало того что она учениц берёт, за плату — как раз по лютневой части. Это можно

понять, живут-то они очень небогато. Но её, знаешь ли, видели... в общем, в городе, на улице — одну. Без челяди, без матушки, без какой ни на есть монахини! Прилично ли?

— Ах, — говорит Намма. Да кто бы сомневался: нравы в старой Столице никак не могут быть вольнее, чем в нынешней. Над чем в Срединном городе посмеялись бы, тут осуждают. Надо будет усугубить присмотр за дочкой. Впрочем, с нею всегда — верная дикарка...

— И хуже того, — поднимает сложенный веер Нанкан. — Ходят слухи... ну, будто госпожа Убаи удалилась сюда не просто вслед за отцом. А оттого, что иные из его старых замыслов...

Так. Один из тех царевичей, учеников его отца — ныне Властитель Земель. Другой — мятежник и смутьян, нашедший свою кончину в дальней ссылке. При том, что и в смерть-то этого последнего, царевича Кандзана, не все верят. Действительно нехорошо. Но...

— Погоди. Старый монах, обедневшая дама — откуда у них средства заплатить за такое лихое дело, как ограбление сокровищницы?

— Вот потому я и говорю, — опять вздыхает Нанкан, — не очень-то годные подозреваемые. И ничего я не сумел узнать об их связях с мастером или с лакировщицей.

Понимай — ты-то, Полотняный чиновник, сумеешь.

Правый голос

В наш век ищут блага через соперничество, учреждают чины и разряды. Но разве неверно, что в древности — она же наш вечный образец — каждый сам сознавал своё место в державе? Самого себя не обманешь, а гнаться за другими или рваться вперёд, чтоб не догнали, — не обойдёшься без уловок. Составляется Государев изборок — и выясняется, что лучшие стихотворцы своего времени либо родня

составителю, либо друзья, либо безымянны. Выбирают лучшего гусяра — и судят не по звуку, а по виду, по поясу и шапке. Кто состязается: искусники? Их семьи? Их покровители? Или сам Властитель Земель соревнуется с собой: кого же он оделил большей милостью или кому его высшее покровительство более пошло впрок?

Что есть музыка? Колебание струн, дуновение воздуха? Или этим всем лишь как средством выражает себя сердце человеческое? Или сама сердцевина Неба и Земли в её движении, мирном или бурном, горестном или радостном? Говорят: музыка уравнивает нравы, смиряет гордых, ободряет робких. Но — когда? Только если слушатель не закоснел в безнравственности, если гордыня его не вполне пожрала смирение, а под робостью скрывается тайная доблесть. Гусли или лютня — не резец, а ключ. Можно открыть ключом запертый ларец с сокровищами — но наполнить пустой ларец невозможно. И тем более невозможно обратить сор в драгоценности.

Или наоборот. Если достойным мужем пренебрегают вышестоящие — в этом нет урона его сути. Если глупца или нечестивца вознесли высоко — он не станет от того умнее и добродетельнее. Искусство управления и впрямь подобно музыке — в том, чтобы разглядеть, как кто себя ценит по совести, и следовать за сердцем человека, а не за повадкой или славой. Только тогда мудрец будет заседать в совете, а злодей разбойничать на большой дороге. Пусть эта картина несовершенна — но обратное много хуже.

То же — в семье. Можно по закону усыновить приёмша — но если нет в нём любви и почтения к приёмным родителям, закон их ему в сердце не вложит. Можно отречься от родича — но нельзя заставить этого родича считать тебя чужим. Можно назначить человеку место, но его ли это место на самом деле, знает только он. Если нет, любое назначение будет половинчато, неполно либо даже ложно.

Старший родич выделяет младшего, дарует ему новое прозвание, — возник ли новый род? Для тех из выделенной ветви, кто превыше всех чтит этого старшего родича, — так, или им кажется, что так. Для тех же, кто превыше всех чтит Родоначальника — невозможно отчуждение от него. А сам Родоначальник не отвергает никого из своих потомков, как не отвергал своих злых братьев.

Примета времени — в том, что мало кто всё это понимает. Мой покойный дед, мой отец, братья — все они радостно и гордо ощущали и ощущают себя одной новой семьёй, сподвижниками, а не родичами Государя, сановниками, но не царевичами. И в этой семье я один знаю: мой род шире и древнее, в нём не три поколения, а шестьдесят. Один. Как обычно — один.

Сравнимо ли одно одиночество с другим? Я почти всю жизнь прожил в Столице, и узкий, и широкий круг моей родни — здесь же, я выполняю службу, к которой чувствую способности, и не чураюсь близких мне забав. Тяжелее, думается, тому, кто не только отлучён от семьи — но и изгнан с родины, отдан в чужие руки, да и те руки его не касаются. Вместо дома — чужбина, вместо службы — заточение, вместо радости... понятно, что вместо радости.

Скажут: вот и ты оцениваешь со стороны, чьё горе горше и чья тоска глубже. Отвечу: отнюдь не так. Чувствуя своё подобие кому-либо, опираешься не на внешние мерилы, а на собственное сердце. И только так можно услышать и сердце другого. Человека ли, бога — или, скажем, оленя.

7. Жених и невеста

Хорошо, однако, быть любимым мастером старшего помощника. У Ранкэя в ремесленном доме — свой отдельный закуток, а какие-то чеканщики за перегородкой вчетвером грохочут бок о бок. Чуть ли не дюжина столиков и скамеечек, на них разложены части — Намма не понял, от каких именно расчленённых

сокровищ. Самому Ранкэю на вид немного за тридцать, длиннолицый, жилистый, очень опрятный. И очень мрачный, что неудивительно.

— С этим господином будь искренен, как со мною! — велел ему Нанкан. — И более того!

Сам удалился, как они и договорились с Наммой. Начал о чём-то толковать с чеканщиками.

Ранкэй сидит скромно, опустив глаза. Руки, однако, беспокойны — то ли боится, то ли томится по отложенному в сторону коловороту. Если эта снасть так называется, конечно.

— В день пропажи, — спрашивает Намма напрямик, — ты тоже тут работал?

— Да.

— Что именно ты тогда делал с лютней?

— А ничего, господин. Я гуслими занимался, Трилистником. А Олень должен был отлежаться. Лак уже высох, но перед тем как струны натягивать — надо было дать ему роздых. Так принято.

— Хорошо. И где именно он отлёживался?

Мастер указывает на один из столиков, повыше прочих. Слева и чуть за спиной у себя. Не в поле зрения.

— Когда ты обнаружил пропажу?

— Когда встал с места. Уже смеркаться стало, я работу заканчивал. Смотрю — а Оленя нет. Я сразу побежал к господину старшему помощнику блюстителя...

— Дальше.

— Ну, вернулись сюда вместе, всё обшарили. Хотя где ж ей тут затеряться-то было, конечно... Видите, господин, — тут порядок! Всё на своих местах. Даже сам Буревой господин из Столицы изволил похвалить...

— Погоди. Он тут был? Когда?

— Да в тот же день. Господин старший помощник его по всем мастерским провёл, показать, что в сроки мы укладываемся. А тот как раз насчёт Оленя поторапливал — увидел, что струн-то ещё нету...

Понятно. Господин Араси в Столице славится как искуснейший мастер игры как раз на лютне. На неё и обратил внимание. Но для Нанкана — очень неудачно вышло, что именно Олень попался на глаза Государеву посланнику.

Так или иначе, есть ещё один свидетель. Только такой, какого особо не расспросишь.

— А днём сюда приходила лакировщица, Нурико, — произносит младший советник и замолкает, выжидая.

— Приходила, — хмурится Ранкэй. — Обед мне приносила. Сейчас время горячее, мне отлучаться некогда.

Значит ли это, что в лаковой мастерской сейчас — простой? А вот приедет Государь со свитой, захотят обзавестись знаменитыми лаковыми поделками Южного города — а их-то и нету...

— Но, господин, — чуть подымает ресницы ремесленник, — точно могу сказать: я не видел, чтоб она отсюда что-то выносила. Лютня — немаленькая, скрыть её непросто.

И спохватывается:

— Я не спорю с суждением господина старшего помощника, и ведь Нурико сама призналась... Но — не понимаю, как она могла! Она вообще-то девушка честная. Мы ведь с нею пожениться собирались, только она всё на бедность сетовала. Но я зарабатываю сам неплохо... зарабатывал, то есть... Вот же как всё плохо сложилось. И непонятно.

— Я лакировщицу пока не допрашивал, — произносит Намма. — И предубеждения не имею. Оставим пока вопрос о том, как она сумела вынести лютню. Но куда могла потом её деть? И почему призналась? Кстати, а когда она это сделала?

— Призналась — в тот же вечер, — отвечает Ранкэй. — Я-то думал после работы к ней заглянуть. Но, конечно, было уже не до того. Она сама пришла, уже почти темно было. И прямо к господину старшему помощнику...

Замолчал. Намма тоже молча ждёт.

— Куда за это время она могла спрятать Оленя, ума не приложу, — задумчиво произносит Ранкэй. — Может быть, уже передала кому-то. И тот посулил, что ей ничего не будет. Что он, мол, прикроет.

— А имя у этого кого-то есть?

— Так я ж не знаю! Просто иначе — сказала бы уже, куда припрятала. И всё бы как-то да разрешилось...

И с вялой надеждой:

— Может, всё-таки не она?

Настоящего узилища при сокровищнице, конечно, нет, но складских амбаров из прочных брёвен хватает. В одном из них и держат лакировщицу. Окон тут нет, пришлось зажечь светильник.

— Развязать, — распорядился младший советник.

Девица разминает руки, передёргивает всем затекшим телом. Молодая, крепкая — но дышит с хрипотцой, и на пальцах кожа вся в старых и свежих ожогах от лака. Смотрит исподлобья — нагло и устало.

Намма и тут решил провести допрос с глазу на глаз. Только не очень получается.

— Я лютню взяла, — сразу сказала Нурико. И умолкла. Выслушала полдюжины вопросов, вздохнула. Повторила:

— Я взяла. Одна была. Чего вам ещё надо, господин? Больше я ничего не знаю.

Или это самооговор, причём глупейший. Или наоборот — очень умная воровка. Призналась, да так, чтобы ей нельзя было поверить. Чтобы побились-побились с нею и вышвырнули. По Облачным законам такое самообвинение — не вина, а едва ли не заслуга, особенно если прикрываешь родню или кого-то вышестоящего. Это, конечно, правильно, но иногда очень неудобно.

Жаль, нету сейчас с Наммою его родича и младшего товарища по службе — Хокумы, мастера

допросных дел. Впрочем, младший советник, кажется, знает, что бы тот спросил:

— Одного не понимаю. Вот выносила ты лютню из мастерской — как получилось, что струны не зазвенели?

Девушка снова на него смотрит — словно бы удивилась. Помедлив, отвечает:

— А я под них тряпицу подложила. У меня с собой была.

Вот так. То есть Оленя этого она не только не брала, но даже в тот день и не видела — иначе обратила бы внимание, что струн на лютне нет.

— Понятно, — кивает младший советник. — Но вот в чём дело. Само по себе хищение — преступление страшное. Но если Государево сокровище ты ещё и уничтожила, сожгла или разбила... а те, кто должен был его беречь...

— Не портила я её, — быстро отвечает лакировщица. — Отдала важному господину. Кто такой — не ведаю. Лицо белое, брови густые. Одет в такой крапчатый кафтан, как в поездки носят бары.

— И чем он тебя отблагодарил?

Девушка усмехается. Видно, что один зуб выбит.

— Отблагодарил бы — не было бы меня тут!

На этом можно и закончить. Намма выходит, гасит светильник. Нанкан, ожидавший снаружи, шепчет:

— Наконец-то! Мне она слова не сказала о заказчике! А теперь — дело пошло!

— Никуда оно не пошло, — отвечает Намма. — Мало того что под эти приметы кто угодно подходит. Начиная с меня. Главное — что Оленя она не крала.

— Ты уверен? — спрашивает старший помощник совсем упавшим голосом.

Младший советник даже не отвечает. Говорит только:

— Я её забираю.

— Куда?

— Как куда? В Конопляную усадьбу.

Заступница Чуткая ко Звукам вызволяет узников, виновны те или нет. Ибо кто однажды был освобожден из земных узилищ, вернее прочих вступит на путь к полному освобождению — из круговорота рождений. Намма рад был бы надеяться, что девица хотя бы ещё раз обдумает своё враньё. И возможно, вспомнит что-нибудь важное.

8. Сам ушёл

В целом дело складывается неладно. Допустим, лакировщица прикрывает Ранкэя, хотя и делает это глупо. А Ранкэй прикрывает — любимого начальника и покровителя, господина Нанкана. Но Нанкану-то зачем похищать лютню? Замысловатый способ отказаться от должности? Или дать повод тестю, местному Юиме, заявить: забираю я у тебя своё дитяtko, ворюга ты этакий?

Или Нанкан просто выполнял приказ. Доставленный из Столицы господином Араси. Зачем-то потребовалось громкое дело в Южном городе — и извольте. А заодно так удачно сложилось, что и следователь Полотняного приказа оказался тут же.

Непросто при таких размышлениях сохранять невозмутимую мину. Ладно, если кто обратил внимание — пусть думают: столичный гость морщится, потому что лаком уж больно разит от его спутницы. Застеночный-то запах для Полотняных должен быть привычен.

Домоправитель при виде Наммы в сопровождении такой особы, однако, и бровью не повёл. Нет челяди лучше, чем в Конопляном доме!

— Её надо вымыть, — указал младший советник, — обработать раны, если надобно. Покормить и пока поместить под присмотр.

Потому что отпускать Нурико сейчас нельзя. Если с нею вдруг что-то стрясётся — то показания её можно будет перекраивать как угодно. И всё запутается ещё больше.

Дети вышли приветствовать, приняхались. Заразительные повадки у этой Рю!

— Батюшка, а ведь ты выпил. Мы тут сидим, постимся, из лука не стреляем, хулы на Закон не возводим...

— Вот прямо сейчас, — заметил Намма, — вы возводите хулу на родителя.

— Мы не хулим, мы просто удивляемся, — смиренно поклонился сынок.

— Пост, пожалуй, откладывается, — объявил младший советник. — Для богов всё равно важнее чистота помыслов, нежели трезвость тела. А помыслы мои заполоняет господин Нанкан с его семейством и службою. Так что на поклонение отправимся попозже. А завтра — к Нанкану в гости.

— Все?

— Именно что все. Ибо редкая женщина выскажет незнакомому мужчине то же, что невинной девице.

— Прекрасно! — разулыбалась барышня. — А можно вторую невинную девицу тоже взять? Нельзя же мне без свиты. И к тому же нам с Рю уже доводилось иметь дело с одержимой!

— В том-то и дело, что в одержимости госпожи Нанкан я очень сомневаюсь.

— Будем разоблачать?

— Нет, пока наблюдать. Ладно, свиту твою тоже прихватим.

— Батюшка, — подал голос Намма-младший. — А господин Нанкан искусен в стрельбе?

— Боюсь, за эти годы он отвык от лука и стрел так же, как я — от лютни. Где, кстати, лютня?

Лютня сейчас нужна не для игры, а для следственного опыта. Как её можно незаметно пронести мимо наблюдателя? В охапке, или за спиной, или прячась за расторопным сообщником?

Пробовали все: и сам младший советник, и дети, и Урасака, и даже Рю с Таро.

— А по кусочкам нельзя?

— Ни в коем случае!

— А если незаметно створку отодвинуть и передать помощнику снаружи?

— Нет, пожалуй. Мастер бы сразу заметил, что стало светлее.

— Господин, а если я соломенный дождевик надену? Тогда, может, и выйдет! Дождь в тот день был?

— Хороший вопрос, Урасака. Это я уточню. Если несчастную лютню ещё и под дождём таскали...

Потом пообедали, и Намма устроился отдыхать. Попытался хоть ненадолго выбросить из головы злополучного Оленя. Прочитал ещё немного из книги о Юиме. Как тот со своими гостями состязался в чудесах, прятал в ладони, а потом доставал целую Чистую землю со всеми её дворцами, садами и прудами... С музыкантами, их гусями, лютнями и большими барабанами... Чтобы доказать: всё видимое есть лишь обман. Ох. А не за такое ли искусство получил своё прозвание Нанканов тесть?

Намма пригласил домоправителя, поблагодарил за хлопоты. И спросил: а чем славен в городе господин, прозываемый Юимой?

Старик сперва помялся, но постепенно разговорился. Большой человек Дозорный господин, влиятельный. И благочестивый. Чуть ли не в каждом из здешних храмов есть кто-нибудь из его родичей или свояков. Все люди достойные, учёные, почтенные. Одно нехорошо — сильно господин Юима их добродетелями кичится. Сравнивает, к примеру, с храмовой роднёю других знатных семей, столичных — и обычно получается, что его ближние куда праведнее. Иногда это обидно, особенно когда дело так и обстоит. Впрочем, Дозорный господин не только чванится, но и неустанно оказывает помощь прочим родам по этой части. Когда увещеванием, когда жалобой, а когда и надавит слегка на храмовое начальство, дабы то построже смотрело за своими монахами. Вот вскоре после того, как молодой

господин Намма изволил отбыть в Столицу, было много шума... Многие же монахи, грех сказать, и впрямь живут семейным обычаем: и жёны у них, и дети... Вопреки уставу — но глаза на то до поры закрывали. А тут господин Юима и его родня как начали обличать и укорять — и действительно получилось: большая от такого обычая порча нравов. Начинание-то достойное, только вот нельзя сказать, чтобы Дозорный господин на этом себе одних только друзей нажил... Нет, никаких зазорных деяний за ним не слышно. Водил порою знакомство с личностями сомнительными — но единственно ради увещевания и обращения их на путь добродетели. Порою даже удавалось.

В общем, по всему выходит — человек в Южном городе важный, уважаемый, но не любимый.

Едва домоправитель удалился — так и не задав, надо сказать, ни одного вопроса насчёт лакировщицы, — как из-за створки высунулась голова Рю. Опять растрёпанная.

— Господин! Доложить — можно?

— Ну давай.

— Одно. Я с этой тёткой немножко говорила. Наверно, она не воровка. Но, по-моему, она думает, что тот мастер тоже не виноват.

Намма кивает.

— Другое, главное. Эта лютня ведь — Олень?

— Ну да, такое ей дали имя.

— Если дали — видно, не зря? Так может, этот Олень правда зверь? Долго-долго был деревянный, лежал взаперти. Пока другие олени тут всюду вольно ходят. Зверю так жить тяжело! Вот он подождал, отрастил ноги и рога. И ушёл. Сам. И теперь его надо узнать среди прочих!

— Ну, спасибо, Рю. Порадовала...

9. Неотмолимый грех

Господин Нанкан, кажется, не очень ожидал, что старый товарищ явится к нему в гости на этот раз не

один, а с детьми. Искреннее это дружелюбие — или Полотняный приказ усыпляет его бдительность, перед тем как схватить и привлечь к ответу? Но, конечно, явил гостеприимство. Таро отправился угощаться с челядью, барышня в сопровождении служанки пожаловала на женскую половину — поприветствовать госпожу, а сам младший советник с сыном сидят и закусывают вместе с хозяином.

Намме-младшему господин Нанкан скорее понравился. Стоило между делом упомянуть, что прибыли вот мы на поклонение, только никак не начнём поститься, — как он всё понял и распорядился подать всяких местных вкусных вещей. Про стрельбу, правда, завязать разговор не удалось, потому что батюшка начал деловую беседу — сколько было охраны при сокровищнице, сколько теперь, где сторожей верстали, кто из них наследственный, а кто — хороший... Даже обидно: выходит, когда Намма-младший окончит училище и будет назначен в Полотняный приказ — он будет плохим чиновником, что ли? Так что дальше отрок прислушиваться перестал и начал присматриваться.

Господин Нанкан, видимо, очень утомлён. Настолько, что у него даже не всегда получается приличным образом скрывать при гостях озабоченность, чтобы не сказать — удручённость. Вообще-то любопытно. Он — человек уже немолодой, батюшкин ровесник, ему, должно быть, лет тридцать. И как так вышло, что он только недавно женился на этой сумасшедшей даме, и детей у него нет — ровесников Намминым детям? Может, в этом-то всё и дело? Долго не брал жены — потому что был влюблён в особу недоступную, слишком знатную или уже замужнюю. И хранил верность. А потом она померла, и он всё-таки женился. А покойница воспылала ревностью — в смысле, её дух, и теперь вещает через молодую госпожу Нанкан. Или ещё хуже: выгодно женился ещё при жизни той дамы, она расстроилась, зачахла, скончалась и теперь буйствует. Такие случаи неоднократно были

описаны в книгах земли То, а в Обезьяньем доме поминали и что-то похожее, случившееся у нас, в Облачной стране... Но ведь это многое проясняет! Нет, всё-таки из Наммы-младшего получится хороший сыщик. И надо будет самому как можно раньше жениться. Пора уже присматриваться.

Барышня Намма тем временем познакомилась с госпожой Нанкан. Та, оказывается, такая молодая — старше барышни на два-три года, не более! И совершенно не выглядит безумной или одержимой. Угощает, расспрашивает о Столице, о дворе. О том, откуда взялась такая Рю необычная. В Южном городе, что приятно, ни у кого нет служанки-дикарки, да ещё обученной Облачной речи и приличным повадкам... Ещё — о том, как вообще живётся в доме столичного чиновника, сильно ли грозен господин младший советник. Барышня Намма ответила надвое: для злоумышленников и заговорщиков, конечно, грозен, ибо преданный слуга Властителя Земель, а так, дома — ничего, заботливый и спокойный. Особенно теперь, когда с матушкой перестал ссориться.

Госпожа Нанкан тоже немножко про себя рассказала — но не про замужество, а про то, как в отцовском доме жила. Там всё было, по её словам, очень благочестиво, учёные монахи всё время приходили, вели разговоры о Законе Просветлённого и о порядке в стране. И даже про то, о чём, например, в доме младшего советника никогда не говорят: как в старинные времена близ Государева престола всегда было много мудрых советников из разных храмов и насколько тогда всё было благообразнее.

Совсем не дамский разговор! Даже приятно, не надо строить дурочку, хихикать да ахать. Наверно, это у госпожи Нанкан взято из той же книги про Юиму, которую батюшка читает. Он рассказывал, там каждый раз: кого принимают за умного, тот выходит дураком, а кто с виду глупая женщина, на самом деле умнее прочих. Потому что надо избавляться от предубеждений.

А ведь и правда — оказывается, госпожа Нанкан умеет читать материковые знаки! Ну, казённую грамоту, наверное, всё-таки не прочтёт, а вот из священных книг что-нибудь — может. И даже переписать! Показала — красиво, даже жаль, что непонятно.

Барышня восхитилась, госпожа улыбнулась, попросила у неё веер и что-то быстро-быстро на нём написала. Тоже — знаками.

И так всё шло хорошо, только нечаянно барышня Намма всё испортила. Потому что, как обычно, поспешила перейти к тайному делу и начала расспрашивать о господине Нанкане. Вроде бы со вполне невинных вопросов начала: как он сватался, какие стихи присылал — и вдруг...

Госпожа встала — одним движением, выпрямилась, как столб, локти к бокам прижаты, ладони в стороны разведены. Лицо совсем чудное — глаза в разные стороны смотрят, а сама словно бы улыбается. И высоким-высоким голосом что-то сказала длинное и непонятное — барышня только и разобрала, что вроде бы про подземные темницы. А потом, тем же голосом, всё громче, но уже на Облачной речи:

— Сказано — щади живое! Заповедано — не губи невинного! За что убиваешь? Грех, грех, неотмолимый грех! Три дороги, все страшны — к ледяной пучине, к огненному котлу, к беспросветной тьме! Зачем? Из гнева, из страха, по глупости — всяко не оправдаться!

И началось — служанки прибежали, сколько же их тут! И сам господин. Стоят кругом, причитают, увещевают, а тронуть боятся. Наконец, какая-то старуха упала госпоже в ноги, обняла за колени — та поникла, опустилась на циновку, лишилась чувств.

И всем сразу стало так неудобно! Господин Нанкан вовсе не знает, куда глаза девать, батюшка тоже смутился. Да тут ещё Таро на крыльцо взбежал — смотреть, не нужна ли господину подмога. Пришлось поспешно распрощаться и двинуться обратно, в Конопляную усадьбу.

В повозке младший советник нахмурился:

— Не надо было мне всё же вас брать!

И умолк — ждёт, что дочка скажет.

— Не знаю, — говорит барышня Намма. — Может, она и правда одержимая, но совсем по-другому, чем девы-жрицы в святилище. А может, и нет — просто она из такого благочестивого дома, что ей всюду грехи и адские кары мерещатся. А ещё вернее — что это вообще не взаправду.

— Угу, — кивает Рю. — Было бы взаправду, так когда та бабка госпожу схватила, она бы наотмашь упала. А то так тихо-тихо осела!

— А духа ты чужала?

— Не-а. По-моему — одна она. Вот, именно! Совсем одна.

— Обмирать понарошку, — рассуждает барышня, — дело нехитрое. Даже обезьян учат такое изображать.

Братец подаёт голос:

— А зачем? Даже обезьяну не научишь, если ей сперва не показать, что делать, а потом персик не дать!

— Может, — задумчиво произносит младший советник, — если это такая благочестивая дама — она не замуж, а в монастырь хотела? И сейчас этого же добивается.

— Да нет, она рассказывала немножко, как дома жила — и ни о чём таком не поминала, — откликается барышня. — А вот ещё: господин Нанкан, случайно, не охотник? Может, она не про человекоубийство говорила? Ну, просто противно ей, что он на досуге живых тварей убивает?

— Не знаю. Но это-то проверить будет легко.

— И вот что любопытно! Она ж и до того, как упала, кого-то изображала. Надо бы понять — кого!

— В любом случае, — вздыхает Намма, — начать придётся с очищения. На всякий случай.

10. Страсть

После очищения младший советник детей

отправил домой, а сам воспользовался случаем, чтобы посетить храм Великого Мира. Досточтимый Тэмборин его принять не отказался. И первое, что Намма увидел в его келье, — была лютня. Очень простая по отделке — и видно, что очень старая.

И сам монах немолод. Худой, голова уже давно не нуждается в бритье, весь словно из тёмного дерева — сухой, смуглый, с острыми чертами. А глаза приветливые, хотя редко кто в Южном городе бывает рад чиновникам из Столицы. Смотрит вопросительно — не помнит, конечно, мальчишку, который учился здесь пятнадцать лет назад.

— Музыкальное искусство досточтимого славится по всей стране, — начал младший советник после должных приветствий. — И наставником он слывёт из наилучших. К кому иному мог бы я обратиться, чтобы узнать о нынешнем состоянии игры в Южном городе?

— Это вопрос? — чуть улыбнулся монах. — Могу перечислить, к кому.

И начал перечислять — досточтимый такой-то из Великого Мира, первый в городе мастер на большом барабане; досточтимый сякой-то из того же храма, третий или четвёртый из игроков на флейте; досточтимый этакий-то из родового Конопляного храма, второй флейтист... И так далее, не меньше дюжины монахов и монахинь. Скромно завершил:

— И я, смиренный Тэмборин. Не смею лгать — первый на лютне.

Потом перешёл к монахам в миру и просто мирянам. Госпожу Убаи упомянул, между прочим, как третью искусницу после себя. Второго пока не назвал. Намма ждёт, запоминает имена и степени. Дозорный господин, то есть Юима, оказался видным мастером игры на органчике. Нанкан, кажется, вообще не в счёт.

Тэмборин закончил перечень, перевёл дух. Намма почтительно молчит, с новым вопросом не торопится. Старик снова заговорил:

— Если этого недостаточно, перейдём к гостям

города. Странствующий досточтимый Муцубо, по прозвищу Мёон, второй, я бы сказал, на лютне. Досточтимый Яматобо с ближних гор — если услышите вдруг чудовищный рёв, знайте: это он дудит в раковинную трубу. Первый на этой снасти. Башни колеблются! Из мирян — господин Араси, посланник Государя. Четвёртый на лютне.

Ого!

— Что до тебя — не берусь судить, не слышал ещё, — заключает Тэмборин.

— Мастерство моё ничтожно, а навык покрылся мхом... Пальцы привыкли к кисти, отвыкли от бряцала.

— А зря! — заявляет монах. — В храмовом уединении ещё можно сохранить себя и иными путями. Мирянину же среди каждодневной суеты музыка необходима — иначе можно прийти в полное расстройство! А это ни себе не на пользу, ни семейным делам, ни службе.

Помолчав, добавил:

— Всё в непостоянном мире течёт и движется. Покоя в нём нет — это неизбежно; но важно, как идёт это движение. Музыка его упорядочивает — за этим её в древности и изобрели. Пять голосов, они же суть пять чувств, пять сторон света, пять цветов, пять ступеней познания...

Намма почтительно слушает. Мог ли этот наставник заказать кражу? За плату — едва ли; а вот намекнуть какому-нибудь из своих учеников? Если так — плохо: в обители обыска не учинишь, даже тайного. Может быть, в Конопляном храме и удастся найти монаха, который согласится за это взяться, — но он явно будет не первый и даже не десятый в сыщицком искусстве. Жаль, что из Полотняного приказа мало кто принимает постриг...

Наверняка в Южном городе есть свой храмовый сыскной отдел. Но наладить с ним сотрудничество будет явно непросто. Особенно учитывая, что казённых полномочий на расследование у Наммы сейчас нет.

С другой стороны, досточтимый Тэмборин несёт в своём храме весьма высокий сан. Если бы захотел сыграть на Олене — написал бы в сокровищницу, испросил бы дозволения — скорее всего, дали бы. Не Нанкан, так Нанканов начальник.

— Могу ли осведомиться: а кого досточтимый считает лучшим своим учеником?

Тэмборин разводит ладонями:

— Кого считать лучшим учеником? Того ли, кто пришёл ко мне и достиг наибольшего мастерства? Или того, кто от игры наиболее счастлив, пусть и не лучше иных играет? Даровитого, ставшего искусником, — или бездарность, доросшую до посредственности? Можно мерить пройденный путь, можно — затраченные труды, можно — природные данные.

Вздыхает и добавляет:

— Был юноша — более других одарён, труднее иных обучаем, сильнее всех мною любим. Но его я, увы, потерял много лет назад. Среди музыкантов Южного города его нет.

Младший советник сочувственно склоняет голову. Любопытно, что досточтимый не сказал про этого своего ученика «он умер». Может быть, тот и жив — только почему-то отказался от музыки. Или пропал из виду.

— Так бывает и в других науках, даже в нашем сыском деле, — подхватывает Намма. — А почему было трудно учить этого одарённого человека?

— Музыке можно обучить хилого, слепого, глупого, неподготовленного... Но трудно — человека нечестного. И природу трудностей с тем юношей я понял слишком поздно.

— Пришлось от него отказаться?

— Он сам отказался, — качает головой Тэмборин. Кажется, с сожалением. — А почему ты об этом спрашиваешь, столичный гость?

Младший советник колеблется, потом — решается:

— Я веду расследование кражи. Тайное

расследование. Похищена лютня, поэтому...

— Чья лютня?

— Из Государевой сокровищницы. Разглашению это не подлежит, досточтимый.

Монах пожевал губами:

— Тогда, думаю, ты не там ищешь. Музыкант может украсть у другого музыканта его снасть. Не потому, что та так уж хороша, а чтобы обездолить соперника. Но если украли снасть, на которой никто не играл... Не стоит ли поискать среди врагов тех, кто отвечал за её хранение?

— Но говорят, это замечательная лютня...

Тэмборин качает головой:

— Лютня не может быть хорошей или плохой сама по себе. Хороша или плоха пара — лютня и лютнист. Если они подходят друг другу — есть чем восхититься. Если же нет... И мастерство музыканта, и мастерство того, кто лютню делал, окажется бессильным. Нельзя узнать, подходит ли тебе лютня, не сыграв на ней. Или хотя бы — не услышав её.

— Но тогда, наверное, можно всю жизнь искать свою лютню? Перепробовать тысячу, не найти — и продолжить поиски в сокровищнице?

Монах задумывается, потом говорит:

— Такое возможно — и не только для музыканта. Для того, о чём ты говоришь, не надо быть искусным лютнистом — надо иметь страсть к игре. К сожалению, музыка, как и всё в этом мире, способна стать предметом страсти. Дурной страсти. Тогда... Приведу сравнение: музыкант, не нашедший своей снасти, бросает играть или играет на неподходящей. Подобно тому как мирянин, не нашедший себе любви, остаётся одиноким или живёт с постылой. Случается, что мужчина упорно перебирает женщин одну за другой в надежде встретить ту, свою. Такого назовут страстным женолюбом, и за морем известны примеры, когда развратник посягал и на царских жён... Но эту страсть, во-первых, трудно скрыть, во-вторых, она всё же

встречается редко. То же самое и со страстью к музыке. Если бы похожий человек был в Южном городе, я бы знал. И назвал бы его тебе. Я...

Тэмборин взглядывает на свою лютню.

— Я, увы, не чужд порока ревности.

— А тот твой ученик... Бывший ученик: не этой ли страсти он был подвержен?

— Нет. И в этом случае я бы сказал: к сожалению, нет. Авабо... Его звали Авабо, как теперь его имя, я не знаю. Но если бы ему вот хоть настолько, — монах отмеряет на пальце один сустав, — была присуща страсть музыканта, он бы не совершил того, что совершил. Не продал музыку за горстку мусора.

Что досточтимый называет мусором? Если серебро или золото, то увы, наш круг подозреваемых это не сужает. Страстный любитель и продажный знаток: для нашего дела любого из них было бы достаточно и одного, но ещё убедительнее они выглядят как пара.

Левый голос

Гнева нету, а страх перед гневом, видимо, остался. Не перед чьим-то, хоть бы даже и господина Юимы, — перед собственным.

Вот идёшь ты мне навстречу по Пятой улице, досточтимый наставник. Шествуешь, сопровождаемый учениками. Сразу заметно, кстати, кто у тебя дитя для почёта, из хорошей семьи, кто для охраны и услуг, а кто для сердца, то есть ради музыки. Деваться некуда, двадцать-тридцать шагов — и ты меня тоже заметишь. А я ведь не скажу, как хотел бы: тут кое-кто тебе передаёт, что благодарен, и посылает напев, уж не взыщи, привязанный ко мне, а не к изящному цветочку. Кабы тот напев можно было изложить на бумаге — я бы сам к тебе не сунулся... и так далее.

Нет, теперь, о учитель, я хорошо понимаю Мару, царя всех демонов. Как его разбирало при виде Просветлённого. Был бы ты чванный, дородный монах,

светильник Закона, краса Южной столицы... Был бы тайный грешник, монах лишь по платью, а на деле музыкант... Но вот ты шагаешь с посошком, скромный такой, благостный, спокойный — и я чую, что не смолчу. Спрошу: вот зачем ты, наставник, слушал кого попало? Перед тобой оговорили человека, кажется, из близких к тебе. Да что там — оклеветали вообще-то монаха, младшего твоего собрата по общине! А ты сразу и поверил. Почему? Ах, по притонам парень шляется! А зачем? Ты его самого хоть спросил? Может, то была уловка? Ах, тайну разгласил! Во-первых, не успел, только пообещал. Во-вторых, почём ты знаешь, какую тайну он бы разглашал? Твою — или первую, какая в голову пришла бы? Или вовсе новую, нарочно на месте сочинённую? Благо никто не разобрал бы всё равно. Ах, искусство продал! А может, наоборот: купил? Выманил у тех, кому оно не нужно, из дурных рук в хорошие...

Незачем досточтимому это слышать: или без меня всё давно понял, или и сейчас не поймёт. А спутник его, который охранник, меня уже видит и посохом показывает: иди поближе, если хочешь благословения, а нет — кланяйся, где стоишь. А демону, как известно, склониться, приветствуя достойного монаха, — примерно так же гадко, как монаху почтить демона. И я обратился в бегство. Только не мимо досточтимого и не назад, откуда пришёл, а вбок. Ну и что, что там забор. Что я, не перелечу?

Вор! — кричат. — Держи вора! Вон он, в усадьбу полез!

Сами подумайте, монахи: был бы я настоящий вор — уже бы припадал к стопам вашего учителя. С самым постным видом. Ибо вору важно выглядеть приличным человеком. А мне — нет.

Усадеб тут две, я место удачно выбрал: где от внешнего забора отходит изгородь между двумя подворьями. Хошь направо, хошь налево. Справа сад ухоженный, у ворот стоял привратник — и тоже стал орать — и ещё пёс залаял. Слева бурьян, и мне, должно

быть, как раз туда.

Ну что вы за люди, жители Южной столицы? Как можно вопить и топтать, когда тут — играют? Тихонько, даже с улицы слышно не было. Словно бы даже не игра, а почти без звона кто-то перебирает струны. Как если бы впотьмах заветное письмо по сотому разу перечитывал человек, на буквы уже не глядя.

Хотел бы я знать, кто это. А ну как замолчит? Ведь замолчит, если вы не уймётесь!

— Госпожа монахиня! — голоса из-за забора. — Осторожнее, тут грабители!

В ответ — старческий голос из-за бурьяна: вы, мол, им напомните, что воровство есть грех! И собачек, собачек спустите!

А струны не молкнут. Я подобрался поближе к дому — на крыльце пусто, но играют тут, за ближайшей перегородкой. Сажу, слушаю. Напев из Срединной Столицы: «Запретный сад». Руку — не узнаю.

Не прекращая игры, кто-то из дома негромко спрашивает:

— Кто там под крыльцом сидит? Красть у нас нечего, в обучение я только юных девиц беру, поклонников монахине не положено.

Голос другой, молодой. Хорошо, отвечаю по порядку:

— Напев твой красть мне незачем, он известный. А звук украсть нельзя. В ученики не прошусь, хоть мне и нравится, как ты играешь. А что до монахинь, то им я не поклоняюсь, равно как и монахам.

— А кто, кроме демонов, презирает монашество? Иноверцы? По выговору ты не заморский барамон. По слогу — не закоснелый книжник. По запаху...

Учёная женщина, монахиня, как сама сказала. Не рассказывать же ей, где я ночью и когда в последний раз мылся. Кстати, пора бы уж...

— Угадала! Таков смрад пепелищ, демонских обиталищ.

Она, кажется, усмехается:

— Буду знать. Так чего тебе надобно, демон?
Искушать будешь?

— Буду! Сыграй ещё!

— А что на ваших пепелищах предпочитают слушать?

— Рычание победителей и стенания поверженных. Было бы мне этого надо — сюда бы не явился. «Вешнее ненастье» знаешь?

Вполне себе искушение: этот напев тут мало кто слышал. Или досточтимая соврёт, или уклонится, или возгордится, что таки-знает.

— Да весна уж прошла... Ну да ладно.

Знает! Сыграла первую часть. Про то, как раньше срока бурей сорван вишневый цвет вместе с ветками, про снег на всходах... И про страх будущего голода, что хуже самого голода. Очень неплохо, я такого не ожидал.

Дальше там про Государя: за что ему такое испытание и как дальше быть. Что, не решится? Считается, это вообще-то мужской напев. Да разве не бывало и государынь в такой передряге?

А она говорит:

— Бесплатно — хватит. Мы, знаешь ли, нуждаемся. Как насчёт сокровищ трёх миров?

— Я бы расплатился. Только у меня снасти с собою нет.

Ничего не ответила. Но — поняла! Отодвигает створку, кладет лютню на крыльцо.

Я поднялся. Взял, заиграл. Вот так и познакомились.

11. Уловка

Только младший советник назавтра начал осторожно расспрашивать о досточтимом Мёоне, как выяснилось: его можно нынче же не только увидеть, но и послушать! Храм Расцветшего Закона, давший страннику приют в Южном городе, пришёл в упадок: кровли прохудились, стены обветшали. Благодетельные

прихожане неустанно жертвуют — но ожидается приезд государя, все храмы срочно чинятся, а дарителей на всех не хватает. Утром, когда монахи из Расцветшего Закона вышли на сбор подаяния, они объявили: вечером у них будет играть и петь досточтимый Мёон, редкий гость в здешних краях! Намма собрался, дети тоже попросились посетить храм — зря, что ли, накануне очищение проходили?

Честно говоря, доводилось Намме видеть и более ветхие храмы. Но почитателей пришло много — и монахов, и ещё больше мирян. Женщин разместили на крыльце паломничьего дома — длинного, почти на всю длину двора; повесили занавес, чтобы на них другие слушатели не отвлекались. А мужчины прямо во дворе и устроились на циновках. Посредине стоит помост, освещённый фонарями, на нём — кто-то из здешних монахов произносит проповедь. К счастью, довольно краткую.

Потом на помост восходит монах немалого роста и богатырского сложения, с ним — другой, помельче и поплюгавее. У рослого в руках лютня — странная, серая, узкая, как бамбуковый лист, и струн на ней, кажется, четыре, а не пять. Досточтимый сел, глянул на зрителей — лицо широкое, загорелое, нос крупный, на бритой макушке блестит отсвет фонаря, а щёки поросли короткой, густой щетиной. Взял бряцало, заиграл.

Прав был досточтимый Тэмборин: вот тут точно музыкант и его снасть — одно. Что-то большое, холодное, с морозной дрожью в звуке. Прежде младший советник похожей игры не слышал.

Играл Мёон недолго, прервался. Пошевелил плечами под плащом, размял пальцы, снова взялся за бряцало. И запел — густо, протяжно, неразборчиво. Но Намма сообразил: это из «Книги о Цветке Закона», где Просветлённый говорит: «Все миры — мои, все их жители — мои дети». Очень убедительно получилось — таким голосом и под такую музыку. Словно и впрямь монах на помосте разрастается, заполняя собою десять

миров. И сам, слушая, словно растёшь, как в детстве, засыпая под одеялом — вот-вот набухнешь от стены до стены и шире... И торжественно, и жутко.

— Чего он поёт? Не понимаю! — это Рю на крыльце скребёт пальцем бок барышни Наммы.

Барышня и сама не разбирает, но не признаваться же!

— Это священное, — шепчет она.

— Редко-редко тут такой выговор услышишь. Досточтимый-то с Дальнего Севера.

Это соседка слева, маленькая старушка в покрывале, повернулась к девицам и тихонько поясняет. У самой у неё выговор не то что столичный — дворцовый!

— Сколько-то лет назад, когда моего покойного супруга собирались назначить в те края, там, можно сказать, только дикари и обитали. А теперь — дивно! Монах из тех краёв «Цветок Закона» славит! Хотя, конечно, голос необычный.

— И играет замечательно, — кивает её спутница, при этом, впрочем, покосившись на старушку немного кисло: давай, мол, слушать!

Сработало! Не зря, когда дам на крыльце только рассаживали, барышня Намма спросила у разводящего служки: а не здесь ли случайно госпожа Убаи с дочерью? Тот понял просьбу, подвёл сюда и усадил. Похоже, это правда они и есть!

Убаи-младшая и сейчас хороша собою, хотя уже немолода, наверняка за тридцать где-то. А в пору, когда жила в Столице, видимо, действительно была красавицей, способной обратить на себя внимание самого Государя! Особенно — в придворном платье, а не в тёмном храмовом, как сейчас.

Жалко, что она явно расположена слушать монаха-северянина, а не вести изящную беседу. Надо будет не упустить возможности, если объявят какой-нибудь перерыв.

Рю трясёт головой:

— Нет!

Барышня вопросительно на неё смотрит, та шепчет так, чтобы соседки не слышали:

— Всё-таки — нет. Я сперва решила — он. Но — голос не тот. Не олень. Волк, может...

Барышня Намма на неё цыкнула: услышат ещё, что досточтимого оборотнем обзывают, выставят в два счёта! Но, кажется, обошлось.

Перерыва так и не было, но пел досточтимый не очень долго. Умолк, вытер бритую голову, сказал что-то негромко своему спутнику, который всё время с ним рядом сидел. Снова проповедник из Расцветшего Закона вышел, возгласил:

— Все мы дети Просветлённого — обновим же дом нашему родителю!

То есть сейчас начнут обходить, собирать пожертвования. Как раз можно заговорить с соседками. Впрочем, старая госпожа Убаи опять сама начала:

— А ты, дитя, несомненно, тонко чувствуешь музыку. Видно по твоей сосредоточенности. И сама играешь, наверное?

— Ой... На самом деле — нет. Совсем неискусна...

— Но умение — дело наживное! Особенно если есть у кого получить наставление.

И смотрит на дочь. Та улыбается, хотя немного натянуто, прикрывается веером:

— Прости... Матушка имела в виду, что я обучаю девиц игре. На лютне, на гусях.

— У меня батюшка на лютне играет, — не моргнув глазом заявляет барышня Намма. — А братец учится на флейте, у него со струнами не ладится. Матушка сейчас живёт не с нами — так сложилось, что я и слышала-то только мужскую игру. Если, конечно, она вообще у мужчин и женщин разная.

— Конечно, разная: у мужчин, у женщин и у монахов.

— А у монахинь?

— Такая же, как у женщин, очень редко — как у монахов. Не зря сказано, что нам труднее преодолеть свою природу...

— И на батюшкиной лютне мне, допустим, даже пробовать бесполезно?

Убаи-младшая склоняет голову. Видно под покрывалом, что волосы у нее острижены чуть ниже щёк, как у вдов, у маленьких девочек и у послушниц.

— Верный вопрос. Сами лютни тоже бывают мужские, женские и храмовые. Иное дело гусли: они, что бы там ни было, остаются деревьями. А лютни, когда их вырезают, перерождаются. Как изваяния или как корабли.

Рю понимающее кивает.

— Хороший искусник, пожалуй, совладеет с любой снастью, — продолжает госпожа, — и всё-таки это будет чужой голос. Ты видела на картинках, как китайский император и его любимая наложница Ё вдвоем мучают одну лютню? Это забавно, но это не игра.

Да, в самом деле: госпожа Ё, как же мы забыли! А вдруг... Надо будет братца расспросить о подробностях. Кажется, от этой красавицы китайцы в своё время избавились, и жестоко. А вот куда дели её лютню? Но дело даже не в ней, а в другом: откуда взялся наш «Олень»? Из Китая, это мы знаем. А там — откуда? Его нарочно изготовили для подарка нашему Властителю Земель, или достали из кладовой, или он был чей-то... Если за ним сюда к нам явились китайцы, тогда — ой... Они же умеют колдовать, могли сделаться незримыми, а мы удивляемся, как так никто в сокровищнице их не заметил...

— Но тогда получается, — рассуждает вслух барышня Намма, — нельзя сравнивать, кто лучше на лютне играет: мужчина, женщина или монах?

— По-настоящему — нет. Ведь и когда при дворе состязаются, складывая песни, мужчины тягнутся отдельно, а женщины — отдельно. Сравнить мужскую и

женскую песню можно, но — лишь поверхностно.

— Но что до женщин, дитя моё, — вставляет старушка, — то не скрою: сейчас ты беседуешь с лучшей лютнисткой Южного города! Насчёт Столицы не скажу, но...

Госпожа Убаи-младшая скромно кивает.

— Так жалко, — вздыхает барышня, — что мы уже, наверное, скоро уедем — паломничество кончится, батюшке нужно возвращаться на службу... Но до того — можно будет как-нибудь послушать, как ты играешь?

— Да, конечно. Я живу на Четвёртой, ближе к реке. Только напиши заранее — меня посещают ученицы по уговору.

Хорошо, что успели договориться. Потому что уже подошёл сборщик пожертвований. Рю передаёт барышне свёрток с тканью — барышня даже не видела, какой именно, из запасов здешней Конопляной усадьбы. Госпожа Убаи тоже вручает монаху какой-то короб. И начали уже прощаться — и куда торопятся?

— Эге, — поводит носом Рю. — А у этой госпожи-то ребёночек будет!

С виду ещё совсем незаметно, но южные дикари такое чувствуют. Но как возможно? У монахини...

Младший советник пристроился к череде почитателей, выражающих своё восхищение досточтимому Мёону. Между прочим, Буревой господин тоже тут. Заговорил с музыкантом, ему что-то ответили и сам Мёон, и его товарищ. Господин Араси шевельнул бровью, поклонился. Величаво проследовал прочь, не продолжив беседы.

Скоро Намма понял, в чём дело: из священных-то книг досточтимый поёт прекрасно, а вот Облачной речью владеет слабо, спутнику приходится толмачить. Впрочем, младший советник уже убедился, что снасть у него — совсем другая, чем ему описали Оленя. Более того, как пояснил переводчик, досточтимый свою лютню вырезал собственноручно! Не часто такое

бывает.

Это не говоря о том, что Мёон — и сам очень приметен, и сопровождаем толпою почитателей. Впрочем, само то, сколько в Южном городе ценителей лютневой игры, привело Намму в некоторое уныние. Вот и сужай тут круг подозреваемых!

Уже в темноте, с фонарями, двинулись обратно. Ночь ясная, свежая. Дочь рассказывает, что успела познакомиться с обеими господами Убаи и даже напроситься в гости. Сын шествует в необычной задумчивости. Впрочем, именно он первый встрепенул:

— А тут что, круглые сутки играют?

И действительно — откуда-то издалека доносятся звуки струн. Намма прислушался — несомненно, лютня, и звучит с юга и почему-то сверху. Но если бы это было чудо и в ответ на игру досточтимого Мёона в облаках явились небожители, их сопровождало бы лучистое сияние. А на юге никакого света нет, да и облаков не видно. Поэтому двинулись на звук.

А музыка всё громче. Перед громадой Южных городских ворот стоят, прислушиваясь, ещё несколько человек разных званий. И действительно, похоже, лютнист играет где-то на верхнем ярусе ворот, хотя снизу его и не видно. Очень хорошо играет, надо сказать — хотя в совсем ином духе, чем Мёон. Радостно, даже чуть насмешливо, но не зло.

Младший советник, конечно, не такой знаток, чтобы сказать наверняка — но кажется ему, что невидимый музыкант не разученный напев играет, а сочиняет прямо сейчас, на ходу. Не каждый решится!

Какой-то монах рядом с Наммой тоже слушает, кивает.

— Уловка, — говорит он. — Ради нас, смертных, Просветлённый объявил, будто ушёл из мира. А на самом деле — остался!

Девочки шушукуются, барышня шепчет что-то брату. Тот спрашивает стоящего неподалёку

служилого:

— А это кто играет?

— Как — кто? — откликается тот. — Молодой господин, видать, недавно в Южном городе! Это же демон Южных ворот! С самой весны его слышно, хоть и не каждую ночь.

— А он какой?

— Так никто ж его не видел! — вмешивается какой-то простолюдин и, ухмыляясь, кивает на служилого. — Вон, стража ловила-ловила — даже кончика хвоста не нашли!

— Тише, — укоряет их монах, — не мешайте.

Но, видно, спугнули. Звуки лютни смолкают.

Чуть поколебавшись, младший советник шагает к воротам. Детям велит оставаться возле досточтимого, сам предъясняет стражнику свою должностную дощечку. Распоряжается:

— Необходимо осмотреть ворота.

Стражник замешкался. Зато праздношатающиеся ценители искусства готовы помочь.

— Да мы его сейчас! Веревку только надо.

— Да как ты его скрутишь, он же — демон!

— А вот посмотрим.

Дверка, что ведет внутрь ворот, разумеется, не заперта. Намма с фонарем заглядывает на лестницу. Как обычно, тут много мусора и хлама. Это только в Государевом дворце ворота не пустуют: в них устроены помещения Полотняного приказа. Младший советник карабкается по лестнице, за ним самые смелые из ротозеев.

Наверху настоящая помойка, чего тут только нет. Щепки, черепки, какая-то трава, обрывки занавесов, соломенных плащей, куски циновок... Вот, правда, черепов и обглоданных человеческих костей не видно. Обитай в воротах демон-людоед, без них бы не обошлось.

Судя по запаху, кто-то тут ночевал в последнее время. Но сейчас никого нет.

— Куда девался? — разводит руками один из непрошенных помощников. Бритоголовый, но неряшливый. Видать, досточтимый, что внизу остался, к служкам своим не строг.

Намма не отвечает. Демона-то тут нет, а вот лютю в углу он приметил. Без струн, пыльную, разбитую. Придётся изъять. И если это всё, что осталось от Государева «Оленя» — пропала Нанканова голова!

12. По зёрнышку

После такого вечера заснули нескоро — а с утра пораньше явилась костоправка, продолжить уроки. Рю была не против, а Урасаку никто не спрашивал. Впрочем, на этот раз и сама мастерица была несколько рассеяна — и скоро начала расспрашивать о судьбе лакировщицы. Зачем её перевели в усадьбу? Будут, что ли, добиваться, чтобы девчонка призналась в чём-то ещё? В хищении храмовых средств, в мятеже, в подделке высочайших указов или чем там занимается Полотняный приказ?

— Наш господин мятежей не устраивает и указов не подделывает, а наоборот, — сурово заявила Рю. — А сюда эту Нурико доставили, чтоб её в темнице не уморили раньше времени. Потому что она не виновата.

— А как у вас в Срединной рассчитывают, когда пора морить невиновных?

Урасака крикнул. Крамола на крамоле!

— Её, может, вообще морить не будут, — пояснила Рю. — Что дальше-то делать?

— Это уж я не знаю...

— Да нет — с загривком его!

На некоторое время вернулись к уроку. Потом Рю как бы между делом спросила:

— А не может так быть, что из твоей подружки дух выходит?

— Куда?

— В госпожу Нанкан! И её одержит. А потом обратно возвращается.

Костоправка задумалась:

— Вообще я про такое слышала. А что, похоже?

— Ну — раз госпожа вопит, что её погубляют. Может, это не она, а дух? Не очень похож на духа — но вдруг это потому, что он не мёртвый, а живой?

— Но тогда, — подал голос Урасака, — сейчас госпожа должна уняться. Потому что тут эта лакировщица в безопасности.

— Хорошо бы, кабы так!

— А повидаться с Нурико можно? — спрашивает костоправка.

— Вообще-то нельзя. Разве что через перегородку, — отвечает Рю.

Урасака хоть и поддержал это начинание, но заявил, что будет присматривать. Чтобы костоправка, женщина решительная, не проколупала перегородку и не передала лакировщице чего неположенного. Нож там, или удавку... Та только фыркнула.

Пробрались к закутку, где заперта лакировщица. И подружка тут же, громким шёпотом, начала её честить:

— Дура ты, дура! Я ж тебе сколько раз говорила — не связывалась бы ты с этим Ранкэем! Теперь вот...

— Он ни в чём не виноват, Яся, — глухо отвечает та.

— Но ты-то — тоже! Зачем было на себя поклёп возводить?

— Я — не из мастерских. Всё равно бы на меня повесили.

— Но он-то что ж за тебя не заступился?

— Так он, может, и правда не знает, кто украл. Или знает, но сказать не смеет.

— Экая скотина! — сплюнула костоправка. Рю на неё зашипела: в усадьбе так себя не ведут! Ходят всякие, плюют, а нам потом убирать!

— Слушай, — уже спокойнее молвит костоправка. — А ты тут не обмираешь? Или раньше — не обмирала?

— Это как?

— Ну, вот будто из тебя дух выходит?

Лакировщица, кажется, задумалась:

— Да вроде нет. Ты не бойся, тут из меня никто дух-то не вышибает. И кормят неплохо.

— И кто тут дура? — тихонько спрашивает Рю. — Если из кого дух выходит — тот этого и не замечает. Никогда!

Ещё бы поругались, но тут послышался шум у крыльца, и со свиданием пришлось заканчивать.

Прошлой ночью после обыска ворот младший советник всё же решил потряхнуть тамошнюю стражу. Что за демон, давно ли замечен, он ли в надвратном помещении насорил? Старший охранник Нандаймон был твёрд. Да, демон уже с месяц то и дело объявляется. Нет, поймать его пробовали, но оказалось невозможным. Да, в храмы сообщили, монахи приходили, пробовали изгонять — без толку. Нет, демон не незрим — его видели человек пять, но описания у них расходятся. Все согласны только с тем, что роста он саженого, рыжий и глаза горят. А вот сколько у него рогов и есть ли хвост — так и непонятно. Собственно, демон пока особо не безобразил — только шуршал и на лютне играл. «Вот на этой?» — показал Намма на обломки. «А кто ж его знает... С него станется.»

Впрочем, хлам в воротах запасал не демон, там давно уже получилась такая свалка. Потому что в надвратном помещении то и дело ночуют бродяги.

— То есть как? — удивился Намма. — А вы куда смотрите?

— Извольте видеть, сударь, — сурово ответил Нандаймон, — у нас в уставе караульной службе сказано: проходящих через ворота проверять, о подозрительных докладывать, злоумышленников задерживать. А гонять бродяг — не наше дело. Устав древний, подлинный, можете ознакомиться. Утверждён ещё в те годы, когда Властитель Земель здесь пребывал!

Младший советник своей властью объявил бродяг подозрительными и велел первого же, кто попадётся, доставить в Конопляную усадьбу для выяснений. Вот их на следующий день и доставили — целых четверых, в сопровождении лично начальника охраны.

С виду — бродяги как бродяги, трое мужчин, одна женщина. У всех головы бритые, но уже несколько обросшие. У всех — монашеские имена и у одного даже грамота есть — о том, что он от сана отрешён за нарушение устава. Все дружно утверждают, что не могут удалиться от святынь Южного города. По крайней мере дальше городских ворот. Ибо даже собака, если шляется она возле храма, воспринимает благое влияние Закона и в будущей жизни возродится не менее чем коровой! А потом, может, и человеком...

— А как насчёт дурного влияния демона? — полюбопытствовал Намма.

Расстриги заверили: таковому они всячески противятся.

— Разве похоже, господин мой, что я впадаю в гнев? Вот схватили меня ни за что ни про что, скрутили, к вам доставили — а я разве возмущаюсь? Кроток, как олень!

Младшего советника передёрнуло. Но он продолжил допрос. Слышали демона все четверо, видела — только женщина. Ражий, говорит, действительно с лютней под мышкой, лицом жуток, а улыбкою обольстителен. Она ахнула, а демон ей подмигнул и скрылся из глаз. Лютню она толком не разглядела, но по тому, что заметила, выходит — не та.

— Мы, сударь, неустанно возносим молитвы, чтобы от того демона не воспоследовало никакого вреда!

— А он ни с кем из вас не заговаривал?

— Нет, — качает головой один из бродяг. — Да что проку, если б и заговорил? Он ведь, сударь, про всему выходит — не здешний демон, не Облачный! А

по-индийски мы не понимаем — скудны учёностью!

— Погоди. А почему — по-индийски?

— Так ведь говорят, он прибыл-то из самой Индии! Дабы из храмов Южного города похитить останки Просветлённого — из-под всех семи башен!

В каждом храме есть своя башня. Под каждой башней заложен прах от костра Просветлённого, в древности доставленный в Облачную страну из Кудары, из Китая, из других дальних краёв.

— Ибо рек Просветлённый: да будет тело моё покоиться всюду, где я и ученики мои находили и находим пристанище! Тогда не пресечётся мой Закон в мире! — объявляет бродяга. — А демону же завидно, что Просветлённого всюду почитают, а его — нет. Вот он и пакостит.

Стражник Нандаймон с сомнением качает головою:

— Осмелюсь заметить: ни одной башни демон пока не своротил.

— Да что ты понимаешь! Он уж если посягнёт на святыни — то чудесным, незримым образом! Мы если и заметим пропажу — то только когда весь Южный город и вся страна окончательно придут в упадок!

— Так. Прекратить эти разговоры, — распорядился младший советник. А про себя взмолился всем богам Облачной страны и Просветлённому с его сподвижниками: да не придётся мне никогда искать эти краденые останки! Весь святой прах, по зёрнышку...

Сделав бродягам внушение, велел им убираться с глаз долой, а Нандаймону — остаться.

— Устав уставом, но поскольку вскоре в город должен прибыть Властитель Земель — будет дополнительное распоряжение. Бродяг от ворот отныне гонять. Всюду, где возможно, поставить надёжные запоры. И смотреть в оба.

— То есть ты, господин, тоже предуготовляешь высочайшее посещение? Рады стараться — но надо согласовать с Буревым господином. По этой части он

сейчас распоряжается.

— Об этом не беспокойся и выполняй. Сам-то ты демона видел?

Стражник хмурится:

— Похоже, да.

— И каков он?

Тот зябко передёргивает плечами:

— Как сказать... Мёртвый.

— То есть как?

— Ну, на мертвеца похож. Давнего. Без рогов, без хвоста, человекоподобен — но взор и впрямь... неласковый.

— Так. А лютно ты у него видел?

— Лютни не видел. Хотя могла бы быть.

— А это что значит?

— Да он играл в своё время. Когда жив был. В смысле, в прошлой жизни.

Намма насторожился:

— То есть ты знаешь — кто это? Кем был в прошлой жизни?

Нандаймон поводит плечами под казённым платьем:

— Похоже, знал я его. Монах-расстрига, много лет назад изгнан из Южного города. Хороший был музыкант, а человек — дрянной.

Так. Что-то знакомое.

— А как его имя?

— Тогда звался Авабо, а как теперь — кто ж ведаёт?

— Из какой он семьи был, не знаешь?

Стражник неожиданно ухмыляется:

— Так в том и дело, что тут о семье и говорить неудобно. Из монашеской. Его тогда от сана и отрешили, когда у нас с этим пороком, женатыми монахами и их потомством, бороться начали. Правда же, не дело: и обет явно нарушался, и отцы своих детей на тёплые храмовые места пристраивали... Ныне это зло у нас искоренено.

— А когда проводилось это... искоренение?

— Да уж лет пятнадцать назад. Когда была большая борьба за очищение нравов. Скрывать не буду, господин мой — я сам, хоть и не монах, до той поры вёл непутёвую жизнь. Но внял, одумался и ныне служу Государю.

— Понятно, — кивает младший советник. — И кому именно ты внял?

— Заповедям закона, конечно. А лично — господину Юиме. Он многих наставил на праведный путь.

13. Тайна за тайну

Вообще Нандаймон был прав: согласовать с господином Араси меры по подготовке города к посещению Властителя Земель было бы не лишним. Хуже нет, когда два ведомства выполняют одну задачу врозь и путаются друг у друга под ногами. Беда только в том, что соответствующего поручения из Столицы у младшего советника нет. Зато есть родство с Конопляным домом и умение делать значительный вид.

У дворцовых ворот Намма попросил почтительно доложить о его прибытии — но напрасно: здесь Буревого господина не оказалось. Впрочем, кажется, охрану и челядь в Южном городе он уже несколько утомил, так что чиновнику Полотняного приказа, любопытствующему перемещениями господина посланника, охотно сообщили: сейчас тот изволил отправиться осматривать храм Проникновенного Учения. Каковой, как выяснилось, тоже пребывает в бедственном состоянии.

Внешне это не слишком заметно. Но, видимо, по примеру Расцветшего Закона все обители поспешили обратиться за вспомоществованием к властям и прихожанам. Господин Араси беседует со старшими монахами в храмовом саду, на берегу пруда. Всё в саду, как положено, знаменует что-нибудь многозначительное. Вот эти два склонённые навстречу

друг к другу куста, видимо, обозначают Возникновение и Уничтожение, а те три стоячих камня — Просветлённого со спутниками. У Просветлённого в голове почему-то зияет отверстие неправильных, но изящных очертаний; почему — младший советник задумываться уже не стал. И среди всех этих знаков беззастенчиво бродят олени. Жуют, фыркают, иногда наступают на длинный хвост пышного одеяния Бурового господина. Вообще нелёгкая задача — передвигаться в таком облачении не по гладким половицам дворца, а по каменным дорожкам; но посланник, кажется, здесь всюду ходит в самом торжественном обличи — по крайней мере, Намма пока много не видел.

На такое одеяние уходит никак не меньше двухсот локтей тканей разной выделки. И, между прочим, вот среди таких полостей и складок вполне можно было бы незаметно пронести лютню...

Закончив с монахами, посланник даёт Намме знак приблизиться. Господин зрелых лет, крупный, по-прежнему красив и осанист. С мягкими складками платья и плавным обводом черт странно сочетается голос — поистине громовой.

Обменялись приветствиями. Грамот и печатей не предъявляют, всё выражают повадкой: один — я представляю здесь Властителя Земель, другой — я выполняю его же тайное задание. Младший советник доложил о распоряжениях, которые осмелился отдать охране ворот, не известивши предварительно посланника. Буровой господин сие одобрил и выразил сожаление о множественности бродяг и расстриг в Южном городе.

— Надо бы их удалить. Временно. Дабы не омрачали взоров.

Намма посмел вслух удивиться тому, сколь многие храмы здесь бедствуют — при том что исправно получают дары из Дворца. Посланник выразил сомнение в том, все ли здешние настоятели блюдут обет

избегания лжи. Кажется, достигли взаимопонимания.

Младший советник осторожно осведомился, изволил ли уже господин посланник удостоверить в благополучии Государевой сокровищницы. Тот без промедления ответил:

— Да. Там тоже спешают привести всё в должный вид. Считаю — в сроки уложатся. Вспомоществований не просят. Что утешительно — ибо если бы уже и в сокровищнице не хватало средств...

То есть о пропаже он или не знает, или не желает знать.

— А по вашей части как дело продвигается? Много ли выявлено злоумышленников и смутьянов?

— Я бы сказал, что в целом в Южном городе смятенные слухи преобладают над мятежными умыслами. Обитатели трепещут.

— Это правильно.

— Осмелюсь молвить, некоторые из распространившихся слухов представляются мне нежелательными. В частности — относящиеся к духам и демонам, особенно неуместные в столь святом месте.

Буревой господин неожиданно складывает веер, которым помавал всё это время, и, кажется, смотрит пристальнее:

— Речь идёт о духах усопших?

— Возможно. Проверяю.

Посланник задумывается. Потом, отмахнувшись от особенно настырного оленя, говорит внушительно:

— Подобная проверка должна быть произведена с особой тщательностью. И — с осторожностью! Прошу об этом помнить.

Намма кланяется. Буревой господин деловито спрашивает:

— Кто из жрецов вам помогает по этой части?

Младший советник отвечает:

— Я с родичами прибыл в Южный город на поклонение в родовое святилище. В Конопляной усадьбе, насколько я знаю, сейчас нет никого, кто нёс

бы жреческое служение. Однако не сомневаюсь, что Обрядовая палата приняла необходимые меры, и не оповещая об этом.

Араси задумчиво кивает:

— Сыщик Полотняного приказа пребывает в паломничестве. Служащие Обрядовой палаты ведут тайный сыск... Всё как обычно. Прошу, однако, ставить меня в известность о дальнейших открытиях.

Уже удаляясь, Намма сообразил: Буревой господин — потомок Государей; скорее всего, он и сам имеет чутьё на чудеса. Если бы он пошёл на сотрудничество — многое удалось бы понять уже сегодня. Но, кажется, посланник хотя и изволил пару раз пошутить, но сыщика пока держит на отдалении.

Младший советник вернулся в усадьбу, подкрепился. Дети ведут себя подозрительно смиренно. Намма сложил в мешок обломки лютни, обнаруженные в воротах, вручил мешок Урасаке и вместе с ним двинулся в храм Великого Мира.

Достоchtigый Тэмборин принял его по-прежнему приветливо. Поговорили об искусстве Мёэна, о просвещении дикарей. Потом Намма спросил, не попробует ли наставник опознать обломки.

Тэмборин осмотрел их печально, но слёз не пролил. Поскрёб ногтем, постучал и прислушался. Попробовал сложить как было — некоторых частей не нашлось. Наконец, заключил:

— Эта снасть сделана не у нас. Скорее всего, где-то в Озёрном краю. Знака мастера, увы, не сохранилось. Или — и вовсе не было.

— А что-нибудь ещё о ней можно сейчас сказать? Или о том, кто на ней играл?

— Играл один человек по крайней мере несколько лет. Думаю, лютня ему скорее подходила. Но резали её не на заказ, не именно под этого музыканта. Им пришлось принаравливать друг к другу.

— Что с нею, собственно, случилось?

— Разбилась, — спокойно сказал монах. — Не думаю, что кто-то сделал это намеренно. Скорее всего — при падении с высоты. Тот, кто на ней играл, тоже погиб?

— Если бы знать, досточтимый. Один из свидетелей утверждает, что да. Много лет назад.

— Это едва ли. Почти уверен, что нынешней весной эта лютя была ещё жива. И не лежала заброшенная.

Младший советник задумчиво смотрит на обломки. Говорит:

— Я могу сказать, где её обнаружил. В Южных воротах, там, где по словам местных жителей обитает демон-музыкант.

Старик улыбается, качает головою:

— Демоны не бывают музыкантами. Их судьба — приводить мир к раздору, а не упорядочивать. Так что всё это — пустые рассказы необразованной толпы.

— Но я сам слышал, наставник, как кто-то играл на воротах. Хорошо играл, насколько я смею оценивать. И потом исчез бесследно.

Тэмборин смотрит на чиновника с сочувствием:

— Пустые рассказы могут даже живой и ясный ум направить на неверную дорогу.

— Лестно слышать, — ворчит Намма. — И всё же я не думаю, что мои уши меня обманули. Другой вопрос — не обманул ли свидетель. Старший охранник ворот, кажется, считает, что это дух усопшего. Монаха-расстриги, монашеского сына, отправленного в изгнание полтора десятка лет назад. По имени Авабо.

Досточтимый опускает глаза и, помолчав, неожиданно спрашивает:

— Старший охранник — это Нандаймон? Этого человека мучают его собственные страхи. Сказал бы — мучает совесть, но не у всех таковая есть.

— Я так и понял, что он был причастен то ли к гибели, то ли к обличению этого Авабо. Осмелюсь спросить о подробностях, — настойчиво говорит

младший советник.

— Что ж. Не следует злословить о других — но ещё хуже умалчивать при этом о собственных ошибках. Ты ведь жил в Южном городе. Ты помнишь, что произошло здесь пятнадцать лет назад?

— К сожалению, явно недостаточно. Я тогда был озабочен школярскими делами, будущей службой, сердцем уже спешил в Срединную столицу....

— Мирские власти взяли за образец Китай и Индию — в худшую их пору. Решили устроить гонения на храмы под благим предлогом: выявить нерадивых монахов, которых община будто бы не хочет или не может призвать к порядку. Размах был не таков, как за морем, но кое в чём они преуспели. Грязное — показали, чистое — замарали. У моего ученика, Авабо, нашли драгоценную грамоту. Свиток из Государевой сокровищницы, «Наставления о пяти звуках».

— Краденый?

— Получилось, что так. Авабо допросили, он честно признался: сокровищницы он не грабил, свиток выиграл в «двойные шестёрки». Игра сама по себе запретная для монахов...

— Но если игра шла на ставки, то и твой ученик должен был что-то поставить? Откуда у монаха средства? Тем более — такие?

— Храмовый служитель может поставить на кон пропитание своих собратьев. Может попытаться проиграть ценную курильницу, светильник или ещё что-нибудь из утвари. Случается, на кон ставят и молитвы — свои или старших монахов, которых игрок обещает уговорить. Но мой ученик поступил ещё хуже.

Тэмборин вздохнул, умолк. Младший советник его не торопит. Дождался продолжения:

— Есть несколько напевов, которые издревле передаются тайно, только посвящённым. Я имел глупость одному из таких напевов обучить Авабо. Его он и поставил на кон.

По крайней мере, ставки выглядят

равноценными. Музыка — за музыку, тайна — за тайну.

— Его признанию не поверили, — качает головою досточтимый. — Спросили — с кем играл. Авабо назвал одного городского игрока, который «шестёрками» и жил. Тот, конечно, всё отрицал. Господин Дозорный, лично руководивший следствием, велел этого малого призвать: «Коли говоришь, что ты свиток выиграл — попробуй выиграть у этого человека хоть один раз из десяти!» Мой ученик согласился — и проиграл все десять раз кряду. Тут, думаю, он и понял, что и свиток выиграл только с соизволения своего соперника.

— Иначе говоря — парня одурачили? Его противник играл наверняка?

— Это не снимает с него вины. Он нарушил устав. Он собирался открыть тайну постороннему, ежели проиграет. Он обманул своего наставника. И опозорил всю обитель.

— Что с ним сделали?

— Он не стал дожидаться кары, бежал. Сана, конечно, лишили. Поговаривали, что утопился, но я так не думаю. Однако больше о нём не слышал.

— А что было дальше?

— Всё продолжалось в том же духе, только уже по другим храмам. Тогдашний блюститель сокровищницы отправил своего заместителя в отставку, взял другого человека. А с недавних пор эту должность занимает зять Дозорного господина. Игрок раскаялся, отрёкся от несправедной наживы и поступил в охрану. Сейчас известен как Нандаймон. Говорят, неплохой стражник, а главное, предан начальству. А я стал подыскивать учеников разборчивее. И, как уже говорил, такого одарённого больше не нашёл.

Младший советник задумался. Потом уточнил:

— Верно ли я понял, что сам ты, наставник, не слышал этого лютниста на Южных воротах?

— Верно. Я вообще сейчас редко покидаю обитель.

— Тогда я предложил бы сегодня после заката

отправиться туда со мною. Может быть, услышим. И кто знает, не удастся ли тебе увещевать его — кто бы он ни был.

Монах щурится, молчит. Потом отвечает:

— Почему бы и нет? Следует бороться с вредными суевериями.

Правый голос

Направляясь в Южный город, я ожидал, что там все кругом вместо дела будут обсуждать природу Просветлённого, и это будет скучно и неуместно. Вышло иначе: все тут обсуждают природу демонов — и это скорее страшно. Не потому, что я боюсь демонов, а потому что люди бывают куда опаснее.

Итак, что мы имеем. На Южных воротах обосновался демон — то ли невидимый, то ли способный принимать множество обличий, но в любом случае неуловимый. Ни на кого не нападает, никого не пожирает, играет себе на лютне — и, говорят, неплохо. Правда, настоятель Лotosового храма уверяет, что вот он однажды сыграл — и кровля странноприимного дома при храме, только что, согласно отчётам, залатанная, немедленно прохудилась, так что опять нужны средства на починку. Но это, конечно, чушь — я скорее поверю, что звуки демонской музыки соблазнили монахов на вымогательство. Да и то — нужен ли для этого демон?

А вот для чего он нужен — к сожалению, догадаться нетрудно. В Срединной столице в прошлое царствование тоже ходили слухи о невидимом обитателе ворот, правда, не Южных, а Восточных, и не городских, а дворцовых. Он, мол, срывал шапки с придворных, наступал им на полы, а главное — на воротах появлялись загадочные надписи, и тогдашние мудрецы всячески пытались их истолковать сколько-то благоприятным образом. Прежний Властитель Земель в конце концов распорядился перестроить ворота, и чудеса прекратились. Но сейчас на это времени нет.

Беда в том, что если тогда в настенных надписях искали предзнаменований, то теперь ищут крамолу. И причина тому очевидна: на самых неожиданных стенах и столбах по всей Облачной стране уже неоднократно появлялись строки песен, по которым многие узнавали слог моего злосчастливого родича и друга, покойного царевича Кандзана. Мятежного или оклеветанного — в данном случае не так важно; главное, сосланного и погибшего при неясных обстоятельствах. О нём стараются не упоминать — ибо такие упоминания очень не по душе нынешнему Властителю Земель. Который от него в своё время и избавился. И более того — само подобное упоминание или попустительство таковому уже подозрительно близко к измене. Насколько именно близко — ведомо только Государю.

Так что не приходится сомневаться в одном. Если к прибытию Властителя Земель или в пору его пребывания в Южном Городе какая-нибудь этакая надпись появится на воротах, а местные дружно сообщат, что там шалит то ли демон, то ли гневный дух, — отвечать за это будет тот, кто должен был обустроить город к высочайшему посещению. Тем более что я некогда слыл другом и наперсником неудоуупоминаемой особы. Слыл, а не был — но кого этот теперь заботит?

А значит, никакого демона в воротах быть не должно. И заниматься этим я побужу того самого Полотняного чиновника, которого сюда прислали, кажется, по мою душу.

Хотел бы я знать: музыкальные увлечения демона — это тоже выдумка для того, чтобы связать его со мною? Не флейта, не барабан — именно лютня, что любопытно.

Право слово, было бы лучше, если бы Государю с ворот сыграли что-нибудь, якобы из любимых напевов покойного царевича. Это возможно расценить как крамолу, но рассчитывать, что Властителя Земель это потрясёт, было бы напрасным. Точно так же, как он

сразу отличил бы подложные стихи Кандзана от настоящих, он опознал бы по способу игры, что играет не его брат. Стихи на воротах можно написать и Кандзановы, подлинны, почерк будет непохож, но слов Государю хватит. Что же до напевов, то их царевич не новых не сочинял, за тайными не гонялся, играл обычно что-нибудь самое известное. Зато — на чём угодно: на гусях, на дудке, на лютне, на тыкве, на шнурке от занавеса. Именно это ему было занимательно, как дитяти: какие звуки издаёт какая игрушка по его прихоти. И с людьми так же. Каково запоёт сановник такой-то, когда услышит о себе стихотворение? Будет то песнь восторга или злобы, царевичу было не важно.

Но вот лютня скорее напомнит обо мне. Я в музыке далеко не столь многогранен, и мои пристрастия известны. В том числе, кажется, и здесь, в Южном городе.

Может быть, всё это — преувеличение, перестраховка, усталость. Но — слишком уж много совпадений, вестей из той поры, пятнадцатилетней давности, когда нынешний Государь и нынешний мёртвый мятежник были ещё просто царевичами, учились и развлекались при дворе прежнего Властителя земель, и ни одного ещё не объявили наследником. Не далее как два дня назад я встретил здесь на улице монахиню — дочь их наставника. Женщина, с которой нам обоим не хватило когда-то пронизательности. Я в ту пору ухаживал за нею — не более назойливо, чем другие придворные за другими девицами. Не могу даже сказать, что она привлекала меня более этих других. Но этого оказалось достаточно, чтобы она сбежала вместе с отцом и матерью, приняла сан — и, как выяснилось, до сих пор тут монашествоует. Чего она боялась? Что я прибегну к насилию? Или буду мстить за её неблагосклонность, оклеветшу её отца, опозорю её саму, отравлю её кошку? Да обменялись бы стихами, она написала бы: «Ах, нет!», я — «О горе мне, я безутешен!», и занялись бы чем-то или кем-то ещё. Но

— друг царевича Кандзана, он наверняка тоже ни в чём не знает меры, бежать, бежать, пока не погубил... Вот и видно, как все эти годы на меня падает тень той выдуманной близости с царевичем. Словно он вообще был способен быть чьим-то другом или вызывать подлинную дружбу!

Впрочем, полагаю, что этой способности Властитель Земель за своим братом не числит. Не знаю и не хочу знать, что на самом деле между ними произошло, и не желаю полагаться на слухи и сплетни. Но вполне могу представить, что и этого своего родича царевич Кандзан мог уязвлять так же метко, как другого — меня. Он-то знал, что для меня он — родной.

14. Надкусил

Вскоре после того, как младший советник с Урасакой покинули усадьбу, молодые Наммы, тихо сидевшие всё утро, оживились и зашушукались. Барышня приделась и куда-то отправилась в сопровождении дикарки. А молодой господин Намма разыскал Урасакиного сына Таро и сказал:

— Пойдём-ка ловить демона!

Ибо разве мало он навывчитывал в китайских книгах и наслушался у матушкиных родичей, как это делается? Не говоря о том, что очень обидно было бы покинуть Южный город, так и не испытав тут лук. Зря, что ли, везли?

Так и двинулись вдвоём через полгорода к Южным воротам.

— А его стрелы-то, небось, и не берут... — усомнился Таро.

— Обычные — не берут. Но я всё предусмотрел! — показал молодой Намма. И действительно, под самым оперением на каждой стреле намотана бумажка с заклятием большими красными знаками. Тут хоть наконечник сними — а поразишь цель! Но стрелять без наконечников — отдельное умение, для этого требовалось бы упражняться все последние дни. А

здесь с этим плохо.

У ворот, как и положено, — стража. И, к сожалению, начеку:

— Внутри нельзя, барич! Строжайшее распоряжение!

Молодой Намма не подал виду, одобрительно улыбнулся:

— Прекрасно! Прекрасно! Стража бдит, приказы исполняются! Так я пройду?

— Изволь понять — нельзя! — хмурится Нандаймон. Подсылают тут проверяльщиков, вишь ты...

И надулся с видом образцового караульного, который воеводу Кана посмел не пропустить в лагерь — ибо тот сам велел: «Никого!»

Однако и столичные отроки не так просто отступают. Бродят по площади перед воротами, наблюдают за стражниками и прохожими. Таро, как выяснилось, из усадьбы и пирожков прихватил, так что голод не страшен. Крепость, что не поддаётся приступу, падёт в осаде! Если не отыщется подземного хода...

Подземный — не подземный, а ход-то, похоже, есть! Только Нандаймон с охранниками отвлеклись на каких-то проезжих, как в первом ярусе ворот сбоку, справа, отворяется дверца — её даже зоркие сыщики раньше не заметили. Из неё осторожно выбирается мужичок — в коротком платье, без штанов, с линялым узлом на плечах. Впрочем, лютя в такой узел не влезла бы, больно он круглый. Глянул направо-налево и бочком двинулся в город.

Спрашивается: гнаться за ним или лезть в дверцу? Ведь наверняка это ценнейший свидетель. Но и стража сейчас занята... Молодой господин решил было, что надо разделяться, но тут упёрся верный Таро:

— Как хочешь, барич, а я тебя не брошу! Ежели тебя демон съест, мне голову оторвут.

Вообще-то верно. И даже если демон съест самого Таро, а не Намму, — как объясняться потом с возчиком и с батюшкой? Школяр только кивнул — мол,

следуй за мною! — и метнулся к той самой двери.

Выхода в основное воротное помещение отсюда нет — маленькая каморка и ступеньки вверх. И темно, что очень некстати: лучше бы вместо пирожков светильник прихватили! Молодой господин всё же расчехлил лук, вытащил стрелу с заклятием и осторожно двинулся вверх, прислушиваясь на каждой ступеньке. Таро — за ним, шаг в шаг.

В темноте никаких следов, конечно, не разобрать, но пыли тут — несметно! Кружится в воздухе, лезет в глаза и нос. Любопытно, а демоны чихают?

Добрались до верху лесенки, там — ещё одна дверь: не оклеенная бумагой рама, а дощатая. За нею что-то словно бы шкрябает. Или даже, хуже того, чавкает.

Молодой господин кладёт стрелу на тетиву, подвигается в сторону и подбородком указывает Таро: отворяй! Плохо, на самом деле, быть верным сподвижником: того и гляди окажешься впотьмах между заряженным луком и кровожадным демоном... Но отступить — позору не оберёшься. Таро по стенке распластался, как ящерица, и пнул дверь ногою, чтобы отъехала. Посыпалась какая-то труха. Чавканье прекратилось. Пнул ещё раз, посильнее — дверь дрогнула и развалилась по досточке.

Когда стреляешь, лучше задержать дыхание. Когда пыль столбом, тем более. Но молодой господин по привычке хотел обругать неловкого Таро и потянул в себя воздух. Так и вышло, что чихнул и выстрелил он одновременно.

Ужасного рёва из проёма не раздалось. Может, там и вообще никакого демона сейчас нет, а он тут только по ночам колобродит. Но тогда было бы слышно, как стрела воткнулась в стенку? Впрочем, если завтра младший советник возобновит обыски и обнаружит стрелу родного сына — придётся или лгать и изворачиваться, что постыдно и безнадежно, или быть честным и прямым, что тоже не сулит ничего хорошего.

Лучше уж не оставлять улик. И молодой господин Намма полез за стрелюю.

И тут всё случилось одновременно. Или не совсем, но так показалось. Во-первых, вспыхнул огонь, так что молодой господин зажмурился. Во-вторых, тут же почувствовал, как его кто-то хватает сперва за колчан, а потом за шиворот. И поднимает в воздух. И Таро орёт — но не очень громко, чтобы стражу не всполошить.

Потом молодого господина потрянуло, он приоткрыл глаза — и ничего отрадного не увидел. Перед ним и впрямь демон, страшный, голова в щетине, уши лопухие, зубы ощерены, в зубах — стрела зажата. Видать, на лету поймал, и заклятие не помогло! В левой руке у демона — алый фонарь, качается и страшно коптит. А в правой — собственно молодой господин Намма. Тоже немножко качается.

— Сгинь, пропади! — храбро хрипит Таро. — Убирайся на свой остров демонов!

Вот болван! А если демон и впрямь туда улетит — вместе с пленником?

Сам молодой господин, однако, вовремя вспомнил, зачем, собственно, приехал в Южный город. Воззвал к Конопляной Деве, она же — Чуткая ко Звукам, защитница от бед. И ведь подействовало — демон его поставил на пол. Совсем, оказывается, и невысоко держал — вершка на два приподняв.

Демон пожевал стрелу, выплюнул, молвил гулко:

— Тут уж одно из двух: или ты призываешь милосердную заступницу, или чинишь смертоубийство.

Древние воеводы учили: лучшая оборона — нападение (и наоборот). Молодой господин Намма откашлялся, выпрямился, вытащил свободной рукою веер и ткнул им демона в грудь:

— Как смел ты, не из утробы рождённый, поганить ворота, через которые ехать Властителю Земель?

Демон склонил голову набок, оценивающе оглядел отрока. Молвил:

— Не похож. Властителя Земель я б узнал.

— Кто нападает на последнего Государева слугу, тем самым посягает и на Государя!

— Верно сказано, — кивает демон. — А теперь примени эти слова к себе самому. Не ты ли сейчас стрелял, не поглядев, в кого целишь?

— Можно подумать, ты служишь Государю!

— А ты считаешь, что в Облачной стране кто-то может пребывать, не служа Властителю Земель? Человек ли, зверь ли, демон ли?

По всему выходит — этот демон не столь гневный, сколь лукавый. Хитрыми словами склоняет к неблагонадёжным высказываниям. Чтобы не сказать — к измене... Только молодой Намма хотел ответить что-нибудь благонадёжное, как демон погрозил ему пальцем:

— То-то!

Ну и когти у него!

Демон повернулся вокруг себя самого в одну сторону, фонарём крутанул в воздухе в другую, аж искры полетели — и пропал в наступившей тьме. Ни топоту, ни шороха крыльев. Впрочем, крыльев у него вроде бы не было...

— Барич, — окликает Таро. — Он тебя не съел?

Дурацкий вопрос!

— Нет, только надкусил! Пойдём-ка потихоньку, пока стража не набежала.

Но молодой Намма не был бы сыном своего отца, если бы перед уходом не нашарил на полу свою стрелу и не прибрал. А то мало ли что...

Выбрались, благополучно миновали охранников, убрались за угол. Тут Таро ахнул:

— Ох... Палец отгрыз?

Молодой Намма смотрит — нет, вроде все пальцы на месте. Рука в красных разводах, но это не кровь.

Ну и скажите на милость, чего стоят такие обереги и заклятья, которые демонскими слюнями смываются?

15. Слишком много сыщиков

Намма с Урасакой вернулись в усадьбу — а там никого! То есть домоправитель и челядь на месте, а детей — нет. Ни барышни, ни барича, ни Таро с Рю. Ни даже письма с требованием выкупа или с объявлением мести. Младший советник бросился к домоправителю: где?!

— Изволили уйти, — отвечает тот с поклоном.

— Куда?

— О том пока не ведаю.

— С кем?

— Барич — со слугою своим, барышня — со служанкою.

— Как ты позволил?

— Не осмелился препятствовать. Но я за каждым следом по соглядатаю наладил, из наших. Отследят, доложат.

И ещё улыбается — мол, знаю, как угодить столичному сыщику! Намма хотел сам пуститься на розыски, но тут барышня и Рю воротились. Выглядят двусмысленно как-то — вроде бы и довольны, и озабочены.

— Где ты была? — напустился младший советник на дочь. Та скромно потупилась:

— Батюшка, я же вчера говорила — нас госпожа Убаи, даже обе госпожи Убаи, приглашали у них побывать. Уклониться было бы поистине неучтиво!

— И вы так пешком через весь город и пошли?

— Ой, господин, — оживилась Рю, — а ты в другой раз не будешь сердиться, если мы повозку возьмём? Я не хуже Таро могу править!

— И думать забудь, — веско молвил Урасака. — Волы у нас не казённые.

— Ну хорошо. А братец твой где?

— Вот уж не знаю! Мы уходили — он тут был. Лук свой искал в нашей кладви.

Конечно, если мальчик считает, что в

малознакомых местах лучше ходить вооружённым, — в этом есть свой смысл. А если кто из местных польстится на хороший лук столичной работы? Или, не приведи боги, Намма-младший сам затеет стрелять, где не надо? Про оленей ему вроде бы десятикратно объяснили: нельзя! Но тут же не одни олени водятся...

— В другой раз, — молвит Намма-старший, — не ограничивайся сообщением о приглашении, а предупреждай, что куда-то собралась. Я позабочусь, чтобы ты или сидела дома, или ездил в гости подобающим образом.

— Вообще-то, — сообщает барышня, — к этой госпоже Убаи некоторые её ученицы тоже пешком ходят. Правда, живут они по соседству. Но, конечно, не все. Госпожа Нанкан, наверное, ездил в своё время.

— А она тоже у госпожи Убаи училась?

— Да, но не очень преуспела, насколько я поняла. И училась она на гусях, а не на лютне. Кстати, государевой лютни у Убаи, похоже, нет.

— Или тебе её не показали.

Рю громко и неприлично фыркает. Барышня объясняет:

— Я очень любопытствовала насчёт всех снастей. А Рю в это время осмотрела усадьбу. У них домик-то совсем маленький... Разве что в землю зарыли или в колодец спустили — но тогда, наверное, лютня испортилась.

И рассуждает:

— Но в любом случае — если этого Оленя подарили Государю, значит, лютня мужская? У госпожи Убаи — женская. Ещё была монашеская, но сейчас нет. Куда делась — я не поняла: то ли украли, то ли продать пришлось. Тут, по-моему, досточтимая сильно смутилась, и я дальше расспрашивать побоялась.

— А вообще они ничего живут, — добавляет Рю. — И музыка всякая, и куры есть... И даже собака у соседей!

— Между прочим, — продолжает барышня, —

наша Яся, костоправка, к ним тоже ходит. Не на гусях учиться, конечно, а к старой госпоже. И обе дамы, как ни странно, эту грубиянку очень ценят.

— Ну что ж... — начал Намма, но девочки ещё не закончили свой доклад:

— Насчёт госпожи Нанкан. Знаешь, в доме Убаи считают, что она одержима не духом умершего, а кем-то живым. Хотя, может, это как раз костоправка им наговорила. Ну, вот, в общем, и всё. Да, ещё: у госпожи Убаи-младшей скоро будет ребёночек, и никто не знает, от кого! Но точно не от Государя и не от покойного царевича, ибо сие невозможно.

— Это она сама вам сказала? — опешил младший советник.

— Нет, у них там служанка есть, тоже уже старенькая. Кстати, оказывается, когда они жили в Столице, это вовсе не Государь являл госпоже Убаи своё благоволение. То есть являл, но не больше, чем всем подданным. А ухаживал за нею Буревой господин! И она его отвергла! Он был настойчив, врвался в дом, так что они с отцом и матерью даже из Столицы уехали.

— Сплетницы вы, — уныло произнёс Намма.

— Не сплетницы, а помощницы сыщика Полотняного приказа! Вот смотри: Буревой господин сейчас готовит город к прибытию Властителя Земель. Допустим, он не забыл обиду и хочет поквитаться с госпожой Убаи. Посетил сокровищницу, вынес оттуда лютню. Господин Нанкан не заметил или ему велено молчать. А потом эту лютню обнаружат у госпожи Убаи. Только заранее ничего подкидывать нельзя, потому что хозяйки могут найти или служанка. То есть это месть. Или даже так: Убаи, может, и не подкинут, а вот тому человеку, кого она любит, — могут. Из ревности и из вредности. Я думаю, надо бы выяснить, кто это такой и почему все о нём молчат. Одно из двух: или это монах, грешный, или кто-то из большого здешнего начальства.

— Или вообще господин Нанкан, — замечает Рю.
— Тогда и подбрасывать ничего не надо. И ясно, отчего

его жена печалится.

— И правда! Если лакировщица взяла вино на себя, чтобы мастера спасти, хоть это и глупо... Может, госпожа Нанкан старается спасти мужа, хоть он ей и изменял? Он, повинувшись приказу, забрал Оленя из мастерской, Убаи о том не знает, он тоже не знает, зачем. А потом Буревой господин, или ты, батюшка, у Нанкана найдёте краденую лютню. И отдадите его под суд. Госпожа Нанкан это всё рассчитала и решила: если спросят, откуда лютня, я скажу, мол, что я её в одержимости украла. А что она одержимая, уже весь город говорит. И очень ей сочувствуют.

Да. Когда в дело вступают преданные жёны, самоотверженные родители, почтительные дети и прочие образцы добродетели, это кончается ещё хуже, чем чудеса богов и будд. И где, в конце концов, Наммин собственный почтительный отпрыск? Вычислил тайную вину отца и пошёл брать её на себя? С отягчающими обстоятельствами?

Тут как раз из-за перегородки слышится шёпот домоправителя:

— Молодой господин изволил вернуться. Через забор.

Младший советник не стал ждать, пока сын состроит невинную рожу, и сам к нему нагрязнул. Намма-младший как раз умывался — вода в тазу красная...

— Ты ранен?

— Нет, батюшка. Это чернила, — смиренно отвечает усердный отрок. Впрочем, чистописанием он, видимо, занимался прямо вот так — с колчаном за плечами. И по крайней мере одну стрелу запихнул туда вверх остриём. Наконечник, к счастью, чистый. А сам Намма-младший — грязный и пыльный.

— И где ты был?

— Осматривал достопримечательности Южного города, — мрачно отвечает сын.

— Барсучьи норы? Или подземные ходы?

— А — откуда ты знаешь? Только там не подземный, а боковой, с лестницей прямо наверх.

— Наверх чего?

— Ворот, конечно.

Младший советник призвал на помощь всю свою выдержку.

— Не сомневаюсь, что ты этой лестницы не миновал.

Как ни странно, тут-то Намма-младший и смутился:

— Да я залез ... Только он неуязвим. Стрелы ловит на лету и читает нравоучения.

— Так. Я верно понял, что стоило мне отвернуться, как мой сын связался с демоном?

— Я с ним не связывался! Я его выследил — и нашёл, как он лазит в ворота. Правда, не понял, как вылезает обратно. Кажется, просто исчезает на месте. Или прячется. Там над воротами, можно сказать, целое присутствие, разгороженное на клетушки. Затеряться легко, если умеючи.

То-то младшему советнику самому прошлой ночью показалось, что основание ворот заметно шире верхнего яруса. Может, и правда там какие-то выгородки сделаны. Надо будет проверить ещё раз.

— Стража смотрит за проходом, — уже бодрее продолжает молодой Намма, — а что вокруг творится, им и дела нет. Хот сбоку забирайся, хоть по стене на крышу лезь.

— И ты думаешь, если по городской стене будет идти демон — никто этого не заметит?

— Думаю, да. У него там столько всякого тряпья — можно одеть, наверное, сотню обездоленных. Переоденется, допустим, стражником, шапку пониже надвинет — его и не узнать. Он, конечно, здоровенный, но всё-таки не в две сажени.

— А что ещё ты можешь сказать про его обличье?

— Так... ну, вот ростом он повыше и меня, и тебя, и даже Урасаки. Голова круглая, ушастая и вся в щетине.

Бороды, по-моему, не было. Рогов тоже. Одет как положено — в пёстрые лохмотья. Может, красные и зелёные, но там темно было, я цвет не разглядел. Зубастый, но не клыкастый. Очень сильный, очень проворный — ну, демоны же все такие. Видит в темноте, но держит на всякий случай и фонарь. Вот фонарь точно красный. И, кажется, немного чудесный.

— А если бы это был не демон, а просто крупный человек — на кого бы он был похож? На воина? На разбойника?

— Пока молчал — пожалуй, на разбойника. А говорит, скорее, как монах. Только голос у него очень жуткий.

Намма ещё порасспрашивал сына, а потом и Таро, но больше никаких примет выяснить не удалось. Таро, впрочем, настаивал, что две сажени в демоне, пожалуй, было. Ну, может, полторы...

Объявить, что ли, что в связи с обновлением и обустройством Южного города требуются силачи? Но едва ли демон польстится на заработок рабочего. И в любом случае, без согласования с Буревым господином не обойтись.

Младший советник вкратце объяснил сыну, насколько тот не умеет обеспечивать собственную и подчинённых безопасность в ходе розыскных действий, строжайше велел детям сидеть дома и засобирался в храм Великого Мира. По дороге его попытался перехватить домоправитель со своими соглядатаями.

— Докладывайте — только кратко!

Оба обормота, в общем, подтвердили рассказ детей: барышня посетила госпожу Убаи, барич осматривал достопримечательности и толковал со стражниками у ворот. Надо будет, кстати, и Намме с ними ещё поговорить...

16. Действительно мертвец

Похоже, досточтимый Тэмборин правда давно не покидал пределов храма, шёл несколько неуверенно.

Посоха, однако, с собою не взял — чтобы не звенеть кольцами на нём: всё равно для сбора милостыни время неурочное. Смотрел всю дорогу только под ноги, только уже на площади вскинул взор на тёмную громаду ворот.

Сегодня — ни музыки не слышно, ни зевак нету. Младший советник направился к месту, описанному сыном, — точно, в боковой стенке воротной башни есть дверца, грязная и малозаметная. Но внутрь пока не полез, вернулся к монаху.

Выглянул охранник, пригляделся, снова спрятался — и вскоре уже другой стражник куда-то торопливо направился, наверное, за начальством. Намма решил подождать. Хотел присесть, но досточтимый стоит — как-то неудобно было бы. Всё-таки Тэмборин по крайней мере вдвое старше, хоть и привычен отстаивать храмовые службы.

Вроде и ждали — а струны зазвучали внезапно. Чуть тише вчерашнего, и играет невидимка что-то совсем незнакомое. По крайней мере — младшему советнику; а монах склонил голову набок, сосредоточенно прислушивается. Музыка печальная, но — не унылая.

Вообще странно: если лютя звучит в надвратном помещении, казалось бы, её голос должен быть глуше. Не на кровле же пристроился музыкант? В любом случае — его не видно.

Подоспел давешний стражник с Нандаймоном, тот поклонился, хотел подойти, но младший советник подал знак: погоди! Тэмборин на охранников внимания не обращает, слушает, чуть заметно кивает головой. Кажется, ему что-то понятно, а вот Намме...

Музыка смолкла, младший советник выжидательно поклонился монаху. Тот помолчал, потом посмотрел на Намму — с улыбкой:

— Могу заявить доподлинно: это — не звук Оленя. Другая снасть, гораздо моложе и почти наверняка местного изготовления, из Южного города.

— Благодарю — немалое облегчение узнать... —

невесело промолвил Намма. — Что-нибудь ещё такой знаток, как ты, мог бы сказать?

Тэмборин помедлил, передёрнул плечами под плащом. Сделал несколько шагов вперёд, к воротам, вскинул голову:

— Кто бы ты ни был, бог, демон, человек — но если ты украл «Оленя», то из-за тебя невинной женщине грозит смерть, и ты и ей, и себе делаешь хуже! И помни — даже для демонов не закрыты Врата Закона!

Нет ответа. Досточтимый остался на месте, погрузился в молитву.

Младший советник воспользовался этим, сам подошёл к Нандаймону:

— Ворота осмотрены?

— Да, поступило подтверждение твоего приказа от Государева посланника. Днём ещё прошли, выгнали весь сброд, который там гнезился. Уборка будет произведена завтра же.

— Что обнаружили?

— Да что и ожидалось, господин: нищие, бездомные. Все разбрелись.

— Обыскали?

— Такого приказа не было, но я не первый год служу — обыскали, всех. Ничего ценного, кроме одного свёртка ткани, явно краденого, и этакого кувшинчика. Изъяли, конечно.

— Хорошо. Если досточтимый соизволит остаться, я сейчас лично ещё раз всё осмотрю — в твоём присутствии. Если нет — чуть позже вернусь.

— Как угодно.

— Вот ещё что. Ты сегодня двух мальчишек тут вечером видел?

— Видел. Шуганули. Ваши, господин? Тогда вы уже знаете — у нас всё исправно.

— Да уж... — впрочем, выдавать сына младший советник не стал. Вернулся к Тэмборину, завершившему молитву, предложил почтительно проводить обратно в храм.

— Не беспокойся — сам дойду, — откликнулся тот.
— Это же мой город. Давно я его ночью не видел...

Намма всё же распорядился, чтобы кто-нибудь из людей Нандаймона незаметно сопровождал старика, приглядел за ним. Ожидал возражений — в общем-то, снимать людей с охраны он права не имеет, — но, похоже, Тэмборин был прав: это его город. Начальник стражи повиновался беспрекословно и почтительно.

Младший советник направился к боковой двери, велел принести фонари. Вместе с Нандаймоном поднялся по шаткой, истоптанной лесенке. Отсюда видно — над пролётом ворот не один, а два яруса: основной, осмотренный накануне, и второй, под самым свесом кровли, низенький. На этом чердаке — довольно большое помещение, и в дальнем его конце — действительно, переборка отодвигается. Совершенно беззвучно, между прочим, как будто новенькая. За ней — пара каморок и лесенка ещё выше, в какую-то дыру. Намма поднялся — там уже и не чердак, а стропила, жерди и черепица. Никого нет.

Спустился обратно, обошёл чердак ещё раз. В одной из каморок между столбами брусья не сцеплены жёстко, а только одним концом закреплены. Если раздвинуть — хотя для этого приходится приналечь — открывается проход на стену.

— Так. Где ещё, кроме других ворот, со стены можно спуститься?

— Да где угодно, господин! Было бы к чему верёвку привязать. А с навыком — и без верёвки получится.

Пятнадцать лет назад Намма с приятелями полагали, что облазали весь Южный город. А вот на стене ни разу не бывали. Наивно полагали, что это нельзя. Хотя, может, просто времена изменились...

— Господин, — подаёт голос Нандаймон. — Дозволь молвить...

— Ну?

— Не там изволишь искать. Тут если кто и лазал

— то вот голь местная, её мы нынче вычистили. А ему дверей да щелей не нужно. Мертвецу-то.

— А ты уверен, что он — действительно мертвец?

Стражник невесело усмехается:

— Уверен. И могу сказать, почему, ежели угодно.

Младший советник сдвинул бруски обратно, при свете фонаря посмотрел в лицо Нандаймону:

— Угодно. Рассказывай.

— Когда этот парень был жив, я его знал немного.

И в те времена, по чести говоря, у него был на меня зуб.

Ох... если опять зайдёт речь об останках Просветлённого...

— Уже говорил — я тогда вёл жизнь несправедную.

И после того, как этот монашек угодил под следствие и пропал — сперва опасался: а ну как вернётся счёты сводить? Потом уже прослышал, что он вроде как утопился — и всё равно... беспокойно было. А в этом году — встретил его.

— Очень мило.

— Может, и мило, а я тогда чуть штаны не обмарал. Он изменился, конечно, но не так, чтоб не узнать. И не худшим образом — ну, не то чтобы весь синий, раздутый, язык наружу... Но я вспомнил всё, что о таких делах слышал, и понял: выбор у меня один. Или явить доблесть, взяться за оружие и мужеством своим нежить эту посрамить. У некоторых, говорят, получалось, но я и пробовать не стал. Или, значит, сохранять полную невозмутимость. Вот на это меня хватило. И ведь — подействовало: он прошёл мимо, взглянул на меня — узнал, конечно. И дальше двинулся. Тут-то я и понял: он точно мертвец. Потому что знает то, чего при жизни не знал.

— Это что же?

— А что я ему не враг и вины перед ним не несу. Мне велели — я приказ исполнил.

— Это только в городе тогда считали, что ты — игрок и тем живёшь? А на самом деле ты был тайным осведомителем?

— Эх, господин, да разве одно другому мешает? Но играл я с ним не по собственному желанию. Иначе бы он у меня в жизни не выиграл.

— Ясно. Продолжай.

— А что продолжать-то? Он, Авабо, ничего этого не ведал. А теперь — знает. И кто его настоящий враг — тоже знает. С ним и сводит счёты, а я ни при чём. Потому что всё равно как стражник ничего ему сделать не могу. А тайным заклетиям — не учён. Да и, по чести сказать... я бы на его месте тоже явился мстить.

— Кому?

— Ну, господин сыщик, я ж у тебя не на допросе, а сам рассказываю, по-хорошему. Что могу. Так что имён я называть не буду, а ты рассуди: чью дочку некий дух сейчас крючит и корёжит?

— Так...

— То-то! А почему именно сейчас — тоже могу сказать. Скоро прибудет Властитель Земель, будет обозревать Старую столицу — вот тут-то дух ему через одержимую всё и выскажет. И про свои обиды, и про всё, что здешние большие люди — а прежде всего отец той дамы — злоумышляют против державы. И как.

— Ну-ка, ну-ка, и что же они злоумышляют?

— Так мне-то откуда знать? Я-то не демон! А он, может, ещё и напраслины добавит к правде — демонов-то гнев влечёт, а не тяга к истине. В общем, добьётся своего — и вернётся обратно.

— Куда — обратно?

— Ну, в царство демонов. На остров, или на небо какое — я тут не очень разбираюсь.

— Ясно. А ты как же — без покровителя останешься?

— А я, господин, не зря тогда честную жизнь начал. У меня — заслуги, у меня — беспорочная многолетняя служба. И опять же — лучше без покровителя, чем когда тот в ссылке либо похуже того.

Левый голос

Спрашивается: кому мы мешали? Веками, можно сказать, укрывались от ненастья и жары в Государевых воротах. Между прочим, ничего не ломали: пока нас не начали гонять, всё было хоть и ветхо, но цело. А что грязь развели — так прибрали бы, раз надо. Но — нет: выметайтесь с глаз долой, не хватало ещё, чтобы всякий сброд гадил над головою у Властителя Земель!

А разве плохо было бы: Государь едет, а мы сверху ворот его верноподданно приветствуем? Или — как сказать? Подданными нас считать трудно, поскольку податей мы не платим. Но народное ликование учинили бы. А вдруг Государь нищенские рубища увидит и огорчится? Ну, так выдали бы нам что поновее, мы бы только благодарны были.

Всё чиновники. Боятся, как бы на них нареканий не было от начальства. Перестраховщики...

Нас тут всего-то дюжина. Это разве называется — сброд? Самый старший из нас, добродетельный старец, обитает над воротами ещё со времён прежнего Властителя Земель. Весь белый, как лунь, но вроде бы живой, не призрак. Он как раз не горюет: мол, искони мы тут жили, всегда нас гоняли, каждый раз потом обратно обустроивались... И других утешает.

Утешать приходится прежде всего монахов, хотя, казалось бы... Их тут, считай, половина. Бродяги, расстриги, один вроде бы и вполне храмовый, но живёт не в своей обители, а тут. Спрашиваю: почему? Он в ответ: сердце моё стремится к отшельничеству и приятному обществу, и сие не случайно! Ибо сказано: Закон узнаётся из святых книг или от доброго друга. Друга! А про занудных храмовников ничего не сказано. Причём обеты блюдёт строго: не ворует, не развратничает, правду-матку режет, после полудня ничего не вкушает. И на ложе не спит — расчистил себе место на полу и устроился прямо на досках.

Другой его собрат немало постранствовал. Рассуждает так: может, тут селиться нам и не положено, но по сути нас тут и нету — одна видимость. А ворота —

пусты. Ибо всё в здешнем мире одна пустота и наваждение... Третий ему возражает: так и глупо было бы, кабы ворота пустовали! Воздвигли же эту надвратную хоромину для чего-то? А тут — ни стражи, ни складов, без нас одни птицы гнездились бы. Так ли рассчитано было, когда строился Южный Город? Не мятежно ли — пренебречь замыслами древних государей-основателей?

Но миряне тут тоже есть, благочестивые паломники: старушка и её почтительный сын, из Заперевального края. Старушка дома хворала, отправилась молиться, в пути совсем ноги отнялись, сын её на закорках нёс, а в Южном городе ей сразу полегчало. Теперь она уверена: двинется обратно — сразу за воротами опять занедужит. Сперва жили при храме Целителя; но потом бабка стала учить монахов, как Просветлённого правильно почитать, они потерпели-потерпели, да и вытурили их. Пришлось устроиться на воротах. Сын приворовывает в городе, но и сам кормится, и старуху кормит, и в храмы подношения делает. Иногда матушку выносит полюбоваться местными красотами. Очень им тут нравится: и свято, и нарядно, и богато, а как я начал тут же ночевать — оказалось, они музыку любят. Не паломничество, а праздник!

Кстати, демона во мне пронизательная старушка опознала с первого взгляда. Говорит: «Ты меня не ешь, сегодня день постный. А то получится, что я тебя в искушение ввела — мне в будущей жизни расплачиваться!» — «Да уж ты меня непрестанно вводишь в искушения!» — отвечаю. — «А ты крепись!» Один из здешних бездомных монахов её наставлениям смиренно внимает, бабка блаженствует. А в родной деревне от неё, небось, отдыхают...

И стражники до поры вели себя достойно и человеколюбиво. Нашлась пара ретивых и ворчливых, но одного я пугнул, а другого — собственный старшина, и приутихли. Пока не прибыли из Срединной эти

чиновники, приуготовляющие путь Государю. И не задумались даже, что в воротах может и пожар случиться, к примеру, если нищую братию разозлить. Или что похуже.

Братия, однако, поворчала, посетовала, но явила кротость и разбрелась. Ну, не зима всё-таки. Я — остался. Ибо упрямство неизменно сопутствует гордыне. Пошёл на единственную уступку: стараюсь пребывать в незримости.

А ведь пройдёт два-три десятка лет — и ко мне все привыкнут, станут говорить: демон этот самим Властителем Земель поставлен охранять ворота и весь Южный город. Всяко надёжнее, чем стража... А к игре моей уже привыкают.

Да тут у нас и безопаснее, чем в Срединной Столице. Я ни разу не видел, чтобы местные дети и даже школяры ходили с боевым оружием. Вот допустим: застали бы давешние ребята в воротах не меня, а кого другого, лучник человека бы застрелил, невиноватого — и что? Про воздаяние в подземных узилищах я уж молчу. Но ведь не дурак мальчишка. Понял бы, что натворил, — и как жил бы с этим? А не понял бы, счёл бы, будто так и надо, не страшно, — представьте, вам-то, родичам, каково придётся дальше с таким отроком управляться? Одно дело на дикарских границах или в мятежных землях, там — понятно, смолоду привыкают: или ты, или тебя. Но в мирном городе — зачем так? А жрецам-то каков был бы подарок: очищать ворота от кровавой скверны... Или сносить и срочно заново отстраивать к Государеву приезду.

Вот и получается: без опытного демона на воротах — никак нельзя.

17. Объединить усилия

Лёг младший советник в итоге поздно, но выспаться ему не дали: с утра пораньше вызвали во дворец, к Буревому господину. Намма строжайше велел детям — никуда не ходить, челяди — детей не

выпускать, облачился в должностное платье и отправился.

Господин Араси встретил его неласково, приветствовал сухо, угощения не предложил. Спросил:

— Твой сын уже зачислен на Полотняную службу? Или принял жреческий сан? Или настолько тебе опостылел?

Намма даже ответить не успел, а Буревой уже взмахивает веером:

— Пока я отвечаю за приуготовления Южного Города к прибытию Властителя Земель, двенадцатилетние смельчаки тут охотиться на демонов не будут! Даже если никаких демонов и нет.

— Слушаюсь, — только и смог сказать младший советник.

Вообще очень раздражает, что любой вельможа, имея дело с Полотняным чиновником, прежде всего стремится показать: у меня соглядатаи не хуже ваших сыщиков!

— Будем считать, что с этим вопросом покончено, — господин Араси уже не громыхает, но и спокойным его голос не назовёшь. — А теперь я хотел бы услышать: что, по-твоему, всё это значит? Я имею в виду славу демона Южных ворот.

— Здесь возможны различные объяснения. Следствие ещё не закончено...

— А пора бы. Объяснения и я вижу. К примеру: Властитель Земель въезжает в город, и прямо перед его носилками либо сразу за его спиной обрушиваются ворота. И сотни свидетелей подтверждают: да это тут демон бесчинствует, давно уже!

— Но даже подлинный демон не осмелился бы...

— А поддельный? — теперь Буревой говорит подчёркнуто тихо, почти шёпотом. — Я не демонов опасаюсь, господин младший советник, а заговоров. И вы в Приказе, полагаю, тоже. Потому что если произойдёт какое-то подобное... знамение, то виноват, конечно, окажется Государев посланник. Но и

Полотняный чиновник, сколь бы тайным ни было его задание, в стороне не останется. Это я обещаю.

Что господин изволит иметь в виду? Что покушение на Властителя Земель в Южном городе если и не затеяно приказными, то поощряется ими, а цель — подвести под суд и опалу Буревого? Но он молчать не будет и обличит своих погубителей? И приведёт доказательства, что по воротам лазали не демоны, а приказные и их родня? Занятно в таком случае, кто будет его свидетелем. Нандаймон? Или тот пучеглазый ловкач, кого мальчишки встретили в воротах? Но ведь это прекрасно: подозревая заговор против себя, господин Араси поселил на воротах верного человека — точнее, демона, — чтобы тот отслеживал все приготовления Арасиных врагов. И может быть, даже лютней снабдил. Между прочим, складно: где как не среди музыкантов Буревой господин мог бы найти приспешника? Только вот как после всего этого господин собирается доказать, что демон — не его?

Или же посланник подразумевает, что злоумышленники — не он и не Намма, но оба сюда присланы их выслеживать, отвечать за провал тоже будут вместе, так отчего бы не объединить усилия?

Южный город изобилует опасностями, даже если не брать пока многочисленных храмов, готовых рухнуть от ветхости. Отчего Буревоего господина беспокоит именно демон? Оттого что играет? Или есть другая причина?

Любопытные страхи у господина посланника. Но по склонённой голове полотняного сыщика он не должен видеть этого любопытства. Наоборот, выражать она должна нечто наподобие почтительной скуки: ну вот, опять высокая особа изволит беспокоиться за свою шкуру, всё как всегда...

Или дело в похищенном Олене? И Буревому господину впрямь есть чего бояться — от этой опасности он и отвлекает внимание сыска на самые обсуждаемые в городе явления?

— Осмелюсь заверить: я не предполагаю подобных ужасных умыслов, направленных против господина посланника или, тем паче, против Властителя Земель. И подлинность демона и у меня вызывает сомнения. Но что есть, то есть: кто-то играет по ночам на воротах на лютне, и эти звуки обрастают досадными слухами.

— А вы и ваши домашние эти слухи поддерживаете.

— Ни в коей мере. Но подростки доверчивы и простодушны — увы, как оказалось, даже более, чем подобает их возрасту. Узнав про демона, явились к воротам послушать его, а ежели удастся, то и увидеть, а ежели получится — то и посрамить или даже поймать. Ничего из этого, конечно, не вышло. Почтительно приношу извинения за их неподобающее поведение. Мой недосмотр!

— То есть выслеживали они демона, а не заговорщика?

— Именно так. Ни о каком определённом заговоре, связанном с несчастным случаем в воротах, мне ничего не известно. А тебе, господин мой?

Буревой чуть откидывается назад, опускает веки. Спокойно отвечает:

— Ты сам знаешь, что я такой глупости не сделаю. Но слухи о демоне должны прекратиться.

— То есть, по суждению господина, это всё же действительно демон?

— Разумеется, нет. Подумай сам: допустим — только допустим — в Южном Городе объявился демон. И монахи семи храмов и восемнадцати молелен оказываются не в силах с ним совладать. Или — в силах, но уклоняются. Разве толковали бы об этом по всему городу — в том числе те самые монахи? Напротив, явление такого духа либо замалчивалось бы, либо отрицалось.

— Не могу не согласиться. Однако посмею молвить: если господину посланнику действительно

откуда-то стало известно о готовящемся заговоре, чтобы не сказать — покушении... ради предотвращения столь ужасного заговора имело бы смысл объединить все усилия, не так ли? В этом случае — располагай мною.

— А ты не боишься, что смутьяном вместе со мною окажешься ты? — усмехается Буревой.

— Нет, — отвечает Намма с поклоном. — Вообще-то у меня служба такая.

Господин Араси не размыкает век, но чуть склоняет голову: кажется, согласен. Негромко, внятно начинает говорить — и предерзостно:

— Если речь заходит о заговоре — должны быть заговорщики. Если есть заговорщики — у них имеются причины и цели для столь опасного предприятия. Вот тут я в затруднении. Может ли подобной причиной стать, страшно молвить, ненависть к Государю? Посмею сказать: может, и такое бывало по обе стороны моря. Но не в наше нынешнее царствование.

Для чего нужна большая смелость: для признания возможности заговора против Властителя Земель — или для того, чтобы заявить: нынешний Государь и заговора-то не стоит?

Намме доводилось расследовать дела, где чиновника стремились погубить за его дурные дела: лихоимствовал, чинил кому-то притеснения и так далее. Бывало и наоборот — подсиживали и даже убивали того, кто оказался слишком хорош на своей должности. Но не было примеров, чтобы служилый пострадал за бездействие. То есть в итоге страдали и такие, но от Полотняного приказа, а не от личных недругов. «Ты мне не сделал обещанного», «ты мне не уделил того, чем милуешь других» — возможные поводы для вражды. Но если те же мерки применить к нынешнему правлению... Властитель Земель равно безразличен ко всем. Правит путём недеяния, как древние цари. Ни одно ведомство и ни один подданный не могут похвалиться — или посетовать — что ими пренебрегли как-то в

особенности, более, чем прочими. В самом деле, возможно ли ненавидеть за ничто?

— Далее, — продолжает Буревой. — Иное дело, если кто-то желает видеть нечто на месте первозданной пустоты.

Кажется, младший советник слишком громко думает!

— Например — себя и своих присных. У Властителя Земель есть юный наследник. Буде явится дурное знамение и Государь сочтёт уместным вручить державу сыну — вокруг нового Властителя Земель немедленно возникнет круг преданных сподвижников, настойчивых увещевателей, мудрых советников и так далее. И я, и ты могли бы назвать их имена, если бы пожелали.

Да, могли бы. Копейники — родня будущей государыни-матушки. Колокольники — родня государыни-супруги. Обезьяний дом — иначе они обидятся. Конопляный дом — потому что иначе не бывает. Речная жрица — как ближайшая кровная родня по отцу. Царевич Оу, наверное — ибо заведомо никому не помешает...

— Все они — в Срединной Столице, а не тут, — молвит господин Араси. — А значит, и покушение — либо дурное знамение — там и произошло бы. В Южном городе никого из этих особ нет. Правда, есть их родня по здешним храмам... не вполне покинувшая помыслами суетный мир.

— Кстати, — кланяется Намма, — осмелюсь на этом задержаться. У меня есть подозрение, кто и почему выдаёт себя за демона — но подозрение шаткое. Для его подтверждения или опровержения необходимо расспросить одного важного — в обоих смыслах — мирянина-свидетеля из Южного города. Но увы, на это у меня нет сейчас полномочий...

Буревой господин приоткрывает глаза, снова кивает:

— То есть это так. Ты тут действительно — не по

Полотняной, а по Конопляной нужде? По делам Обрядовой палаты — и проверяешь монахов?

Младший сановник чуть разводит ладонями, произносит со всей искренностью:

— Если господин помнит, я сразу уведомил его, что прибыл сюда в паломничество к семейным святыням.

— Понятно. Ну что ж, мои полномочия касаются и мирян. Кто этот свидетель?

— С твоего позволения — Дозорный господин.

Араси задумывается, потом медленно улыбается:

— Я напишу ему, чтобы прибыл во дворец незамедлительно. Не думаю, что тебе есть смысл куда-то отлучаться до этого.

И действительно, написал записку, послал служителя в Дозорную усадьбу.

Помолчав, младший советник рассуждает дальше:

— А если сказанное применить и к особе господина посланника? Ведь твои враги, должно быть, тоже большей частью обитают в Столице. И дела ведут там же.

— Им на беду, а мне на счастье — в Столице я сам почти никаких дел не веду. Таких, чтобы провал меня опозорил и тем более подвёл под суд. Дождались, пока мне будет поручено что-то стоящее...

— ...и двинулись сюда следом за тобою или выслали своих приспешников. Или столкнулись с той своей роднёй, которая здесь. Итак, не могу не спросить: а кто враги Бурового господина?

А если твои враги — весь мир, если под тебя подкапываются и Столица, и Южный город, и вся страна, то при такой беде сыщик не поможет. Надобен мудрец-увещеватель, да и тот не всякий справится.

Господин Араси задумался. Потом молвил:

— С врагами у меня непросто. Насколько я знаю, все они мертвы. И не оставили мужского потомства.

Понимай, как знаешь: то ли «не скажу!», то ли

«кто со мной связался — все сметены неудержимой бурей».

— Однако, — добавляет посланник, — и моё знание имеет свои пределы. Я знаю, с кем я враждовал, но едва ли вижу всех своих тайных завистников и недоброжелателей. Тут мне придётся положиться на твою проницательность и опыт.

Тоже частая ошибка: на вопрос «Кто твои враги?» очень многие отвечают, по сути: «Я враг такому-то и такому-то». А это не одно и то же.

— Мой скудный опыт подсказывает мне ещё одну возможность, — говорит младший советник. — Возможно, вся эта затея с демоном устроена ради сведения счетов между кем-то из местных. А того, чем она может грозить господину посланнику, они просто не принимают во внимание. Как подобное поведение ни предосудительно, такое случается.

— Понимаю. Тем более не хотелось бы пострадать от козней, ко мне даже не относящихся.

Вернулся посыльный — запыхавшийся и осыпанный солью, словно срочное очищение проходил. С поклоном подаёт письмо. Буревой развернул его, пробежал глазами, поднял брови. Перебросил свиток Намме.

Вообще-то этого следовало ожидать — всё как в книге. Господин Юима очень болен, уже готовится ко встрече с Просветлённым — и, увы, никак не может явиться во дворец. Дальше — извинения и.

— Стоит послать проверить? — спрашивает Араси, и в голосе его снова слышатся громовые раскаты. Младший советник качает головой:

— Боюсь, нет смысла. Застанем его на одре болезни, окружённого толпою монахов и лекарей. Чего доброго, у Дозорного господина ещё и язык отнимется. Придётся действовать иначе...

18. Наваждения

Покинув дворец, младший советник устроился в

возке, и Урасака погнал волов к Конопляной усадьбе. Намма спросил его:

— Ну и как? Получилось?

— А как же! — отвечал возчик. — Очень даже удачно вышло. В сокровищницу Буревой господин изволил ездить в казённой повозке — здешней, дворцовой. В город он, конечно, прибыл в своём возке, да тот — дорожный, для улиц громоздок. И с малым, который его возил, я потолковал. Только вот ничего особенного тот не заметил. После сокровищницы господин воротился обратно, никуда не заезжая. И всё.

— А вёл себя как?

— Вроде бы спокойный был и довольный — не гневался, не печалился. Возчик даже подивился, как тот пешком от крыльца величаво прошёлся — по-нашему, по-столичному! За это время трижды можно было бы успеть туда-обратно, ежели суетиться.

Значит, если господин Араси и осерчал на Нанкана, то виду не показал. А может быть, и обошлось. В конце концов, сокровищница — не единственная забота посланника.

— А о господине Нанкане во дворце что-нибудь говорят? И о супруге его?

— Ну, злословить не злословят — но при мне бы и не стали, знают же, что Нанкан — твой друг, господин. Про то, что у них с женою нелады, — это да, всем уже известно, а вот что она одержима — может, пока и нет. Здешняя челядь считает: ссорятся они больше потому, что госпожа Нанкан к малым людям больно ласкова, да не к своим, а и к чужим. Вроде костоправки этой. Кстати, господин: а нельзя им с Рю на мне больше не упражняться? Мочи уж нет!

— Думаю, с этим удастся что-то сделать. А о Дозорном господине, которого тут Юимой зовут, речи не заходило?

— Ну, поминали, конечно, как он есть батюшка госпожи Нанкан... Но — с осторожностью. Ничего внятного. Непохоже, что его сильно любят — но вроде

как уважают. И побаиваются. Впрочем, все разом твердят, что господин он правда благочестивый. Иногда даже слишком.

Ну что ж, может быть, в деле о пропавшем Олене какое-то время ещё есть. Если бы слухи о краже просочились — дворцовая челядь уже болтала бы. Не потому ли Буревой покидал сокровищницу с такой медлительной степенностью, что под платьем скрывал лютню? Что он в возке был — это подходит: в носилки с такой снастью под полою вовсе не забраться, а в возок — постаравшись, можно.

Но зачем ему красть? Он же государев посланник: потребовал бы, чтоб ему лютню выдали поиграть, опробовать — никаких возражений не услышал бы. И вообще после сегодняшней беседы посланник уже кажется Намме не худшим из больших сановников — хотя и видит кругом врагов, ну да он не один такой. Едва ли он — вор. И зря Намма так на нём сосредоточился в поисках пропавшей лютни.

Впрочем, почему на нём — понятно. Если вор не Буревой — остаются трое (не считая самого Нанкана). Демон, мастер Ранкэй и его лакировщица. Если демон у нас подложный — то у него просто не было возможности похитить лютню при свидетелях. Если настоящий — другое дело, но в это младший советник верит не больше чем Араси. Остаются резчик и его невеста — и если так, то за них в ответе всё равно окажется Нанкан. А этого очень не хотелось бы. Но проверить всё равно нужно, и нечего с этим больше тянуть.

Вернувшись в усадьбу и даже не переодевшись, Намма прямо в казённом платье отправился в закуток, где заперли лакировщицу Нурико. Ну, заперли — сильно сказано, тут не сокровищница, стены не бревенчатые, а оклеены бумагой, хотела бы — попыталась бы сбежать уже давно. Но нет, сидит.

— Хочу ещё раз с тобою потолковать, — заявляет Намма. — Не как с воровкой, а как со свидетельницей. Потому что признание твоё гроша не стоит, и ты это

знаешь, и я тем более.

Кланяется, молчит, ничего не отвечает.

— Расскажи ещё раз про тот день, когда ты якобы похитила лютню. С самого утра и до конца. Подробно.

Нурико медлит; младший советник уж решил, что она собирается и дальше отмалчиваться, раз с враньём не сложилось, но та всё же начинает:

— С утра — работала, Просветлённого мазала. Четвёртый слой. Для обители Расцветшего Закона. Потом оставила сохнуть, состряпала обед. Сама перекусила и к Ранкэю понесла. Он же такой — за работой и поесть забудет, если ему под нос миску не поставить. Пришла в мастерские при сокровищнице.

— Охрана тебя видела?

— Наверно — я точно одного из них видела... и слышала. Ничего приличного он мне не сказал. Отнесла обед мастеру, он сказал: погоди, мне доделать тут надо. Я вышла, села на крыльце — потому что в самой мастерской мне вообще-то нельзя быть. Жду, чтоб посуду забрать. Заглядываю в двери — а он всё работает. Над гусями какими-то.

— А лютню ты видела?

— Не знаю. Кажется, да, она там стояла. Но я не вглядывалась. Ранкэй говорил, она уж почти готова была.

— Ну хорошо, а дальше?

— Потом тот охранник опять подошёл, мы немного повздорили и он мне велел убираться. Сказал, что скоро придёт посланник Властителя Земель, и мне незачем ему глаза мозолить. Я опять захожу — а мастер так ещё за еду и не брался. Я поторопила его, сказала, что, мол, посланника уже вот-вот ждут, и что я пойду, а посуду пусть сам мне вечером занесёт. Ну, и правда пошла. Без лютни. Едва с возком этого посланника не столкнулась в воротах.

— Самого его видела?

— Нет, конечно: только возок, волов да свиту. Человек десять.

— А потом?

— Дома лак на завтра подготовила. Вечером ждала Ранкэя — а его всё нет. Я уж забеспокоилась. Отправилась обратно к нему и тут-то мне всё и рассказали.

— И ты решила его выручить.

— Ну да. Только не успела толком придумать. И с мастером моим договориться, чтоб одно и то же рассказывать. Вот вы меня и подловили...

Понурилась, волосами занавесилась — но Намма на неё уже и не смотрит. Складывается!

— Вот что я думаю. Ранкэй твой, конечно, искусный резчик, но даже обезьяна порою с дерева падает. Не испортил ли он случайно ту древнюю лютню? Не очевидным образом — ты не заметила бы, господин Нанкан — тоже, он не музыкант. Но если бы её увидел или, паче того, пожелал опробовать Государев посланник, знаменитый искусник в игре — сразу бы всё обнаружилось.

Намма приостанавливается, ждёт возражений. Девица, однако, молчит, и он продолжает:

— Так что, когда ты его предупредила о посланнике, мастер лютню немедленно припрятал. А потом рассказал о краже. Расчёт хороший — если потом лютню обнаружат, можно будет заявить, что это её воры испортили. Бывало уже такое — из одной драгоценной лютни тайком вырезали сзади кусок, чтобы чётко наточить из него. А саму её, уже дырявую, вернули в сокровищницу... Но тебя он предупредить не успел, потому что тебя уже охранники выпроводили.

Тут Нурико вскинулась было, но младший советник поднял веер: не перебивай! - и продолжил самым убедительным голосом:

— Так вот. Если дело обстоит именно так — я вас в краже обвинять не буду. Ни тебя, ни Ранкэя. Но извольте сказать, где прячете Оленя. И сделаем по-вашему: порчу припишем неведомым похитителям, но к прибытию Властителя Земель лютня уже будет на

положенном её месте. А я уж постараюсь, чтобы никто не пожелал опробовать, как она звучит. Понятно?

Лакировщица вздыхает:

— Понятно, господин. И правда так могло быть. Только не было. Иначе бы, когда меня схватили, Ранкэй поторопился бы, чтобы лютня эта проклятая поскорей нашлась. Разве что он её спрятал, а из тайника её таки украл. Но это уж больно замысловато как-то...

— Не было, значит. Но лютня пропала! И кто же, по-твоему, её украл?

Девушка ахает, потом даже бросает взгляд прямо на господина — и всё, опять потупилась. Говорит уверенно:

— Ну так, господин, это ж известно. Уже тут у тебя в усадьбе все об этом говорят. И челядь, и детки ваши. И даже Яся согласилась, хотя сперва не верила. Демон Южных ворот, кому ж ещё! Он ведь каждый вечер на ней играет.

Так. Следовало ожидать, что сын и дочь Наммы не преминут развлечь узницу в её одиночестве... А лакировщица продолжает — даже с некоторым воодушевлением:

— Я ещё вот что сообразила. Ведь демон-то — он же мог в тот день явиться в виде посланника!

— И свитские не заметили?

— Ну, так на то он и демон! А вообще, может быть, и свитой был тоже он, и волами, и повозкой! Я слышала, одному досточтимому какой-то демон из себя изобразил целую толпу слушателей Просветлённого на святой горе, несметные тыщи людей и богов, и гору тоже, и самого Просветлённого! А уж тут-то — хитрая ли задача?

— Хм, — младший советник такую историю тоже слышал, но спорить о природе и свойствах демонских наваждений сейчас неуместно. — Но на лютне не было струн. Мастер Ранкэй собирался их ставить в последнюю очередь. Едва ли демону достаточно было бы вытянуть жилы из первого встречного, чтобы их

приладить.

— Ох!

— А вот кто у вас в Южном городе изготавливает струны? В чужом обличье демон мог их заказать.

Лакировщица задумывается, но ненадолго. Уверенно заявляет:

— Для старинных снастей — только мастер Анраку. Ему всегда сокровищница заказывает, если что струнное чинить надо, и в этот раз наверняка тоже. Можно его расспросить — он монах, может, если демон к нему пожаловал, и сумел его опознать. Кстати, демон мог прийти не в виде одного заказчика, а в виде пятерых, по очереди: один, мол, порвал одну струну, хочет заменить, другой — другую... Ему и запас мог понадобиться — демон-то небось не бряцалом, а прямо когтями играет!

Так. Ну как же можно пожить два-три дня рядом с Полотняным сыщиком — и самой не увлечься сыском! Теперь пойдут всё новые домыслы, у жителей Южного города воображение богатое...

— Может, и так, — сдержанно отвечает младший советник. — Но поговаривают, что это демон иной породы. Не когтистый, а дух мертвеца. Монаха одного, который много лет назад тут утопился. Не слышала ничего про такого Авабо?

Девушка хлопает глазами:

— Но ведь Авабо-то не утопился! — и спохватывается: — Ой.

— Ну-ка, ну-ка. То есть это мне голову морочили насчёт утопленника?

— Да я не хотела тебе голову морочить, господин, я вообще ещё о тебе не слыхала тогда ничего!

— Когда — тогда?

— Ну, лет этак четырнадцать-пятнадцать назад, наверное. Мне тогда где-то семь было.

— Тогда рассказывай. Всё равно — дело прошлое. Особенно если этот монах демоном не сделался.

— Это на него не похоже, — качает головою

Нурико. — Меня в тот раз батюшка послал на реку стираться. В нашем деле не обляпаться — сразу не научишься. Ну вот, я мою одёжку и вдруг вижу — идёт досточтимый Авабо, только в мирском платье. Заметил меня, кивнул и говорит: «Чур ты меня не видела!» Я отвечаю: «Конечно, а чего?» Он: «Ну, если спрашивать будут». И ушёл быстро. Не знаю, куда точно. А я ещё не достигала — прибегает храмовая стража, спрашивают: не видела ли я такого-то расстригу? Я сразу поняла, что досточтимый, совсем как я, тоже во что-то вляпался, да не в лак! Говорю: «Расстригу, не расстригу — не знаю, а похожий монах с полчаса назад в реку кинулся, я чуть со страху не померла! Заорала, а никто не слышит! Где ж вы-то тогда были?» Они ещё поспрошали, в воду палками потыкали и ушли. Так и решили, что утопился.

— А с чего ты стала этому Авабо помогать? Ну как его нашли бы всё же — что с тобою было бы?

Лакировщица поводит плечами:

— Он хороший был, этот досточтимый. Смешной. Песни играл разные. Я не знаю, что у него стряслось, что сбежать пришлось, но уверена — он не виноват был. Просто в мире нет справедливости. Потому что последние времена приходят, верно ведь?

На это младший советник даже отвечать не стал.

19. Святыни

Если семейство Намма дольше будет мешкать с походом в святилище и храм, кто-нибудь непременно опять осквернится. О демона или уж найдут обо что. Поэтому с утра младший советник всех собрал, осмотрел, велел переодеться в чистое и отправился молиться.

Две святыни — в одной ограде: тут же и дом богини на высоких столбах, тут же и храмовая башня в семь ярусов, и пруд, а на пруду остров с молельней. Монахи и жрецы все родня Коноплянному дому, все — потомки богини. Не каждый род может похвалиться таким вот семейным — не поместьем, а целым городком,

где каждое здание свято. Внешние ворота невысоки, и еще ниже над самыми головами паломников нависает Вервие: конопляное, толщиной в два обхвата. Как сплетают такое? Мирянин Намма даже и не знает, всего однажды в детстве помогал скручивать его, но — с самого начала, с тоненьких бечёвок. За воротами чистые дворы, старые сады, в них олени и птицы.

— А когда оленихи весной родят... — начала было Рю. Барышня поправляет:

— Плохое слово. Надо: приносят приплод.

— Слово да. А дело? Тоже ведь... Как тогда?

Барышня не знает, глядит на батюшку.

— Для того есть особый загон на нечистой земле.

Молодняк там растят.

И те, кто в Конопляном доме осквернён навсегда, — больные, калеки — там же доживают свой век, присматривают за зверинцем и хозяйством. Можно принять монашество, а можно и обойтись. Либо здесь, либо чуть к северу от Южной столицы, при курганах рода Асано — так или иначе до самой смерти родичи остаются в семье.

А вот сокровищница Конопляного дома. Поменьше Государевой, но из таких же толстых брусьев. Когда-нибудь и барышне Намме, и её дикарке предстоит помогать, когда одна из старших родственниц сядет ткать, плести или вышивать новый драгоценный дар богине. Пока можно посмотреть на прежние: двери сокровищницы приоткрыты, за ними, яркие даже в полутьме, сверкают парчовые полотна, свисают из-под балок пёстрые сети. Вон та, красная с белыми и голубыми жемчугами — дар семьи Намма из Жемчужной земли.

Дальше развилка, родник для омовения. Налево — дорожка ко внутренним воротам святилища. Направо — в сторону пруда и храма. Младший советник умывается, а потом принимает у Урасаки короб с дарами. Служка выходит встречать, лицо знакомое: должно быть, сын того, кто служил тут пятнадцать лет назад.

Дети пусть тоже умоются и идут вперёд. И вспомнят, что им говорили и дома, и уже в здешней усадьбе. Самые главные в нашем святилище — жрец и жрица, пожилые уже, племянники Конопляного господина. Брат и сестра, как вы, только тут брат — старший. С ними заговаривать нельзя, но обязательно нужно ответить, если что спросят. И кланяться надо по-особому, вот как только что поклонился служка: подобно конопле под ветром, чуть нагнуться и сразу распрямиться.

Вот они, жрецы. Дядька и тётка Государя. Не прячут и не белят лиц, одеты в простое некрашеное платье. Намма называет всех своих по именам. Прежде дети, к счастью, могли и не слышать своих настоящих имён: ни разу, благодарение богине, не бывало нужды в таком обряде, когда призывают дух вернуться в тело. Стало быть: южанин Садамити, его дочь Садако и сын Садаёри. Все вместе преподносят дар прародительнице.

— Тянутся к небу упругими стеблями новые всходы, — молвит жрец.

Жрица откликается:

— Стебли под ветром шумят, корни же прочны в земле.

И оба уходят, а младшая жрица подносит паломникам мешок с оберегами. Выбирайте любой, но не глядя!

Намма жреческого обучения не проходил, наощупь узлы не различает. Дети — тем более. Можно будет потом спросить, какой узел что значит. Или лучше не знать: госпоже Конопле виднее, кому из нас какая защита понадобится. Наше дело эти веревочки носить при себе и не терять.

У детей Наммы такие обереги уже были, их надо сейчас отдать: пусть сожгут на святом огне. А вот у Рю этот — первый. Который по счёту у самого Наммы? Шестой или седьмой, если младший советник не сбился со счёта.

Ни с кем обсуждать вещи песни нельзя, так что не узнаешь: всем говорят одно и то же или нет. Под ветром Облачного рода мы все живём и по возможности шумим. Но в главном, кажется, обошлось: ни сына, ни дочку прямо сейчас не затребовали для здешнего служения. А могли бы, и попробовал бы Намма возразить...

Служка приглашает откусать. За едой, посматривая за детьми и рассказывая новости Срединной столицы, младший советник в сердце своём запоздало начал-таки молитву. Мать-Конопля и все наши боги, пусть бы всем нам не привелось гнуться под большими бурями. И ещё — пусть детям до следующего прихода сюда не придётся начать расплачиваться по семейному долгу. Намма знает и дети уже знают: в любой день надо быть готовым бросить любые занятия, хоть личные, хоть должностные, если для нас сыщется дело у старших Асано. Но пусть ещё хотя бы четыре-пять лет, на родовые надобности хватало бы сил и умений самого Садамити. А маленьких пока бы не дёргали.

Угощение у жрецов обильное, и конечно, с брагой. Но семья Намма всё-таки посетит ещё храм, так что надо соблюдать умеренность. Отдохнуть немного в саду и двинуться на правое подворье.

Настоятеля нынче приветствовать нельзя, он пребывает в молитвах. И очень хорошо: Намма помнит его крутой нрав. Застал однажды, как досточтимый читал нравоучение самому главе рода. Два часа кряду, при младших родичах. Сам Намма в тот раз, после поджога усадьбы, отлёживался, отравившись дымом, монахи молились и над ним, и над ранеными, и над погибшими — а настоятель всё вменял в вину старшему Асано: корил за неуступчивость жестоковыйную, приведшую к бедствиям для его домочадцев. Не убедил, конечно, — но в непреклонности, как тогда выяснилось, он не уступает старому Коноплянику.

Перешли пруд по мосту. Двери молельни, как и

всюду здесь, никогда не заперты. Девочки, разумеется, пошли смотреть знаменитое изваяние Чуткой ко Звукам — зримое обличие, выбранное богиней. Отцы с сыновьями остались молиться перед крыльцом, как требует здешний обычай. Намма просил всё о том же. Заступница, пусть у меня хватит сил сохранить мою семью, вот эту, что сейчас перед тобой. Хоть жена уже замужем за другим, а сын почти перебрался в тот ее дом. И пусть, о защитница от незаконного разбоя и от державного насилия, мои сыскные дела как-нибудь и дальше движутся между тем и другим...

И — возможно ли было ждать иного! — девицы внутри молельни устроили возню. Или Намма не видел, но там кто-то уже сидел и напугал их? Младший советник пробирается ближе к дверям. Всяко он больше не собирается жениться, если и увидит образ заступницы, ничего.

Сбоку от входа на медном слоне восседает кто-то из спутников Чуткой. Ну, как же было не залезть в седло рядом с ним! Вроде не маленькие уже, а туда же... Теперь барышня зацепилась поясом за какую-то завитушку на слоновьей сбруе, Рю пробует ее отцепить. Всадник был весь в пыли, вернее, во многолетней копоти от благовоний. Намма по прежним временам хорошо помнит, как этот нагар трудно отстирывается...

— Давай я, — велел младший советник дикарке.

И идём отсюда, пока монахи нас не выгнали.

Но напоследок Намма всё же отвешивает поклон Чуткой ко Звукам. Хотя бы в виде извинения. Она и в самом деле такова, как рассказывают: дева в заморском тонком наряде, почти не скрывающем тела. В одной руке конопляные силки, другая поднята в благословении. А лицо... Лицом она до странности похожа на одну столичную знакомую Наммы. Сестру его друга, давно уплывшего за море, о ней говорят: старая девица, мечтательница... Пусть бы, спасительница моряков, брат её невредимым вернулся домой!

Барышня Намма задержалась на пороге. Кивает в

дальний угол молельни:

— Ты видел, батюшка?

Там ещё одна спутница Чуткой, с воздетыми руками и в роскошном венце.

По дороге к воротам барышня объявляет:

— Ну, теперь всё ясно!

— Что именно?

— Ясно, кого изображает госпожа Нанкан, когда у неё якобы припадки. И руки так же держит, и шею, всё как у того изваяния. Кстати: а кто это?

А Намма и не знает.

20. Монахи и монахини

Покончив на сегодня с делами благочестия, младший советник отправился к Нанкану — потому что даже самые ценные сведения нуждаются в подтверждении. Заместитель блюстителя сокровищницы за эти дни спал с лица, побледнел так, что и белил не надо. Но принял радушно. Расположились на крыльце, и Намма не без удовольствия продолжил выпивать.

— Что касается злополучного сокровища, — молвил он после первой чарки. — Я тут потолковал с лакировщицей — верно она говорит, что струны заказывались мастеру Анраку?

— Верно. Хоть и дурно, что она об этом знает. Хороший Ранкэй резчик, но — болтлив!

— Струнами, значит, и займусь. Что же до этой девицы, я бы её, пожалуй, и отпустил — ясно уже, что она не воровка. Только вот не попадётся ли она на свободе вору настоящему, не начнёт ли он у неё выпытывать, что она нам наговорила? Опасно!

— Вполне согласен. Тем более, если этот, как ты говоришь, настоящий вор её до смерти уморит, а мы его до прибытия Властителя Земель не разыщем — что останется делать? Ведь тогда и мёртвой лакировщицей уже не прикроешься — сразу спросят: а что ж её выпустили, коли она украла? А уж если она вовсе

исчезнет, и даже тела будет не найти...

И тут изнутри дома — но совсем рядом, прямо из-за стенки — раздаётся вопль:

— Убийца!

Створка со скрипом отодвигается, и над головами у изумлённых однокашников возникает госпожа Нанкан — в домашнем наряде, причёсанная, но не накрашенная... Стыд! И продолжает кричать, указуя на супруга ручкою в узорном рукаве.

Нанкан переглянулся с младшим советником, покраснел, пробормотал что-то невнятно извиняющееся, вскочил на ноги и толкнул жену назад, в дом:

— Хватит с меня этого балагана! Думаешь, я вообще глуп — так и не понимаю, что ты придуриваешься? Издеваешься надо мною уже месяц, да ещё — при гостях!

Госпожа, кажется, толчка не ожидала — так и села на циновки. Но не умолкла — закинула голову, уставилась прямо на супруга:

— Да нет, ты не дурак. Но подлец — и убийца-таки! Кого угодно загубишь, и не из корысти, не ради того даже, чтоб самому выпутаться, а лишь бы не одному погибать! Мало того что Государево сокровище украл — ещё и девицу прикончить задумал! И кто тут кого позорит?

— Я — украл? Да что ты несёшь? И дуру эту мне губить незачем — мы тут как раз думали, как ей уцелеть! И тут — ты!

Из-за дверей уже высовываются головы служанок, одна начинает что-то бормотать, но госпожа, не глядя, отмахивается от неё и продолжает кричать на Нанкана:

— Тебе что честь чужая, что жизнь — просяного зерна не стоит! И кабы только чужая! Достойный человек на твоём месте, даже если украл бы сокровище... да даже если б не крал, а только ждал обвинения в краже, — давно бы любимую жену отослал

к её почтенным родителям, чтоб хоть её позор миновал!
Но ты разве о ком-то кроме себя способен задуматься?

— Тебе ли о позоре говорить? Вопишь так, что в соседней усадьбе слышно! Но ежели так — изволь! Никто не удивится, что безумную и бездетную женщину домой отошлют!

В соседней усадьбе, может, и не слышно — подворье у Нанкана не тесное. А вот у ворот на улицу уже ясно слышен шум. Младший советник, не вмешиваясь в супружескую ссору, осторожно убрался с крыльца, отвернулся, из-за дерева следит, как от ворот поспешает слуга:

— Дозорный господин изволил пожаловать!

— Батюшка! Вот уж кстати! — смеётся госпожа Нанкан.

Сам заместитель блюстителя, кажется, растерялся, засуетился — но, видимо, слугам и в голову не приходит, что в этот дом тестя могут не пустить. Ворота отворяются, въезжают скромные, но обширные носилки. А за ними валит свита: два монаха в лоскутных плащах, с блестящими лысынами; четверо храмовых служек с посохами наперевес; трое горных отшельников в лохмотьях; учёный лекарь в китайском платье; лекарский ученик с коробом зелий и снадобий; а за ними выглядывают слуги и соболезнующие горожане. Тут уж не только Нанкан оцепенел, но даже госпожа супруга его замолкла.

Едва носилки коснулись земли, из них неспешно, опираясь на самого расторопного из служек, выбрался пожилой господин. В тёмном одеянии монаха в миру, окутывающем полные плечи, ликом благообразен, но брови нахмурены, словно у гневного Стража Закона. Отмахнулся от лекаря, вперился в отвешивающего поклон Нанкана.

— Как я слышал, — молвит он голосом, которому иной проповедник позавидовал бы, — скоро в Южный город пожалует Властитель Земель.

— Тоже мне новость, — бурчит себе под нос

заместитель блюстителя, но из поклона пока не разгибается.

— Так вот, зять мой, — продолжает Дозорный господин, — я присоветовал бы тебе упасть Государю в ноги и смиреннейше молить его о предоставлении тебе отставки. Ибо со службой своей ты, увы, не справляешься. Заготовь прошение, да за слогом следи! Я прочту и выправлю.

Вразвалку направляется к крыльцу, с помощью спутников поднимается по ступеням и устраивается на том самом месте, где недавно сидел Намма. Одной рукой отослал монаха и лекаря, другим рукавом взмахнул неодобрительно на дочь. А смотрит по-прежнему на Нанкана.

— Но — почтеннейший тесь... — растеряно начинает тот. — Тебе же нездоровилось, можно ли так пренебрегать своим состоянием, ездить по городу...

— Лекарей и молельщиков у меня без тебя довольно. Изволь не юлить!

Нанкан тоже поднимается на крыльцо, чтоб можно было говорить потише. Жена его, прикрываясь рукавом, скрывается за створкой — но сквозь клеёную бумагу видно, что никуда не уходит. Свита Дозорного столпилась вокруг пустых носилок. А младший советник Полотняного приказа стоит себе у дерева и делает вид, что его тут нет.

— Уместно ли обсуждать при посторонних...

— Было бы неуместно, — поводит плечами господин Юима, — ты бы раньше позаботился, чтобы по городу не расходилось неподобающих сплетен. Каковые достигли даже моего одра болезни и отнюдь не способствовали тому, чтобы я в надлежащей отрешённости, в спокойствии духа готовился к кончине.

— Ах, батюшка! — слышится из-за створки.

— Всяк рождённый смертен, — наставительно поясняет Юима. — Об этом каждому из нас должно памятовать в сердце своём. Но сейчас речь — о делах суетных.

— Способности мои скудны и усердие убого, — замечает Нанкан, — но столь ли вопиющи мои промахи, чтобы решаться на подобный шаг?

Дозорный скорбно качает головой:

— Сожалею, но они по меньшей мере — чудовищны. И, увы, весьма показательны для нынешних времён. Сколь многие миряне, даже и помня заветы Просветлённого, предпочитают обманывать себя, твердя: я не монах, если и пренебрегу заповедью — грех невелик! Ошибка, ужасная ошибка! В будущих рождениях, горя в аду или в лучшем случае пресмыкаясь в грязи, поздно будет сожалеть о минувшем!

— Но... о какой заповеди...

Господин Юина, пошарив на поясе, достаёт веер, расписанный мудрыми изречениями. Наставительно поднимает его перед носом зятя:

— Например — не укради!

— Но, любезнейший тесть, тебе ли не известно, что я — никогда...

— Никогда доселе, — со вздохом разворачивает веер Дозорный. — Увы, и добропорядочные юноши подвержены с годами порче нравов. Ты мне, однако, не чужой; я сам некогда стоял за то, чтобы ты занял отцовскую должность — и потому в стороне не останусь. Думаю, дело обойдётся отставкой, и ты сможешь провести остаток дней в сокрушении о былых ошибках и в прилежных молитвах. Годы в обители — лучший путь к накоплению заслуг. А они тебе в будущем рождении очень понадобятся.

— В обители?

— А ты как думал?

— Что, в Южном городе мало монахов? — Нанкан, кажется, рассердился. Смотрит он не на тестя — но на его спутников во дворе. Монахи и отшельники вытягивают шеи, прислушиваясь к разговору на крыльце.

— А что, у Государя мало чиновников? —

откликается Юима.

— Я как раз собиралась к тебе, батюшка, — подаёт голос госпожа Нанкан. — Выходит, плач мой донёлся до родительского дома.

И, уже с опаской, спрашивает:

— Уж не присмотрел ли ты мне нового жениха?

— Рано, — хмурится Дозорный господин. — Рано думать о новом супруге, пока прежний ещё при шапке. Да и лёгкая ли задача — приискать жениха женщине, о которой по всей округе идёт слава как об одержимой!

Госпожа Нанкан, ахнув, замолкает. А муж её решительно заявляет:

— Какие бы слухи ни ходили, но повторю: при всей моей нерасторопности, при всех непозволительных упущениях я — не вор и воров не был!

— Не быть воров — мало, — отвечает тесть. — Человеку в твоём положении требуется им и не слыть. А многим ли дурной сторож лучше вора? Будет ли ему вера?

— Я надеюсь, что к прибытию Властителя Земель...

— Пропажу тебе вернут, — договаривает за него Юима. — Я тоже на это надеюсь. И даже на большее: что ты уложишься с этим, допустим, в три дня.

Нанкан с облегчением кланяется, но Дозорный ещё не закончил:

— Не знаю и знать не желаю, кому и зачем ты доверил Государево сокровище. Что с этой особы получил или надеялся получить. Какие у тебя к тому были причины, есть объяснения и будут оправдания. Доверие — хрупко, цвет его может осыпаться в считанные дни. А плоды после этого, боюсь, созреют кислые и горькие.

И, кряхтя, начинает подниматься на ноги. Нанкан помогает тестю, поддерживая его под локоть, но настойчиво твердит:

— Не верь слухам, почтеннейший тесть! Клянусь

тебе — я не крал и не сбывал краденого!

— Надеюсь увериться в этом в ближайшее время,
— вздыхает Юима. — Или хотя бы убедиться, что сделав шаг к востоку, ты успеешь шагнуть и к западу.

И направляется к носилкам.

— А как же я? — подаёт голос госпожа Нанкан.
Отец оборачивается к ней:

— А ты подумай вот о чём. Сказал Просветлённый: «Да будут в общине монахи и монахини, послушники и послушницы...»

— Но, батюшка! Тебе ли не знать, в каком неподобающем состоянии находятся сейчас женские обитатели! — кажется, госпожа Нанкан перепугалась не меньше мужа.

— Увы, это так. И немалая заслуга — исправить нравы хотя бы в одной из подобных растленных обителей!

К тому времени, как носилки господина Юимы в окружении свиты покинули подворье, младший советник уже добрался до своего возка. Утешать сейчас друга — только больше его смущать. А дальше, кажется, уже некуда. И ведь Намма долгие годы думал, что это ему не повезло в супружеской жизни!

Правый голос

Бывает: в сердечной тоске раскупоришь бочонок редкой браги, привезённый из Просяного края, начнёшь заливать скорбь — и вкусно, и пьяно, а не успокаивает — бередит. Или: стремясь забыть женщину, добьёшься внимания родовитой красавицы — и любезна, и приветлива, а новой любви не родится.

Бывает. И со мною бывало — что с брагой, что с женщинами. Но не с песнями и не с игрою. Ныне же — вот я, вот лютня, струны, бряцало, звук; а не получается, чтоб всё остальное растаяло. Тревога, страх, обида — тут.

Не на Оленя обида. Я позвал — он со мною пошёл, не усомнился: имею право звать. Не противился новым

струнам, не отказывался петь. Знает: касаются его руки потомка Великого властителя. Только, кажется, не радуется это. И мне не радостно, да что там — даже не спокойно.

Если бы сам я томился в узилище или ссылке, не ведая, когда вернусь; лежал бы на ложе недуга, немой и разъятый — разве отказался бы я последовать за тем, кто вывел бы меня, приблизил, оказал должный почёт? Нет — даже если бы потом почувствовал, что не лежит у меня сердце к моему избавителю. И, более того, у него ко мне — тоже.

Есть рассказы о том, как китайскую царевну-красавицу отослали в становище северных дикарей, к их вождю. Слезы не проронила, бровью не повела, всю горечь в себе таила, только с зеркалом и разговаривала. И дикарь тоже: скакал на своих конях, водил дружинников, что ещё они там делали — виду не показывал, что не про него императорский дар. Как тошно было царевне — не одну песню потом сложили; а легче ли вождю было — о том не поётся.

Настоящий дикарь обозлился бы, наверное: мол, чванная дура! А как упрекнёшь, если она покорствуется со всей придворной учтивостью, какой в его горах-лесах и не видывали, а — всё равно чужая? Если и не сомневается, что перед ней — потомок великого чужеземного бога, только ей это не важно? Поёт она ему свои столичные песни — дикарю скучно; учит дикарь её северным напевам — она повторяет, а сама думает: на коровьем бы роге дудеть такое!

Самое невесёлое сравнение можно довести до забавного: если, к примеру, добавить, что царевна на пару сот лет старше того вождя. Или даже: вождь давно умер, и сын его, и внук его внука, а она — всё такая же, и свои для неё — песни, что слышала и пела в императорской столице давным-давно.

И даже если бы проникся к ней чувством дикарь в очередном поколении, сказал: хочешь, отвезу тебя обратно в тот край, что тебе мил, к тем песням, что тебе

по сердцу, — оба знают: и край уж не тот, и песни на иной голос там поются. На дикой чужбине сейчас хоть мир и спокойствие, а родная Поднебесная держава — воеводами и мятежниками на куски рвётся. А мятежным песням царевну не учили.

Полбеда было бы, если б я только о том и печалился, что мы с Оленем друг другу чужие. Горевал бы, гневался, слёзы проливал, ни о чём ином думать не мог. Но нет: солгал бы, сказав, что Олень сейчас — боль моего сердца. Не боль: лекарство, что не помогло.

Кто верит в себя — всё равно ищет новых подкреплений своей веры; ждал знамения, вымолил знамения, сам явил знамение — а мало, нет покоя!

Олень за мною пошёл — мало! Старая Столица почтительно покорствуется — мало! Монахи толпами ходят и ноют: это же твои предки нас тут расплодили, теперь изволь кормить нас и поощрять — и того мало! Властитель Земель приехал бы, братом назвал бы — изменило бы это моё сердце? Не знаю... Нет, хуже: знаю, что не изменило бы.

Или нужно, чтоб встал мертвец из пучины? Простёр десницу, надавил: остановись, волчок, хватит вертеться и жужжать. Ложись-ка в ящик, некому с тобой больше играть. В сокровищницу, рядом с Оленем.

Мертвец... Если нынче кто-то плохо верит в себя, будь то я или Государь, это его, негодяя, работа. Разуверил. Может быть, — сказал бы он, будь он жив, сиди сейчас тут и угощайся выпивкой с моего подноса, — Властитель как раз не должен верить в себя: это в него должны верить, а если кто верит в самого себя, тот попадает в разряд верующих, стало быть, подданных. Покойный царевич на всякий случай ни во что не верил и ни в кого. Брат его... Сколько раз доводилось слышать, напрямую или в пересказе, слова смелых придворных: его дед выбрал потому, что он пустое место. Государя так воспитали, ныне покойный брат и другие, и даже при моём участии. Он верит в себя, только наоборот: в полное своё ничтожество. Пустой сосуд, с годами всё

более пустой, уже и стенки истончились почти в ничто.

Где-то тут в сокровищнице лежит органчик государя-деда. Снасть под стать музыканту, вместилище его дыхания. И ума его, и совести, видимо. Я не смотрел, но среди драгоценностей, наверное, хранится что-нибудь такое и для покойного Кандзана. Спросить, что ли, в котором ларце сложены старинные бутылки? И для Государя, конечно, тоже. Скажем, изукрашенный короб для свитков — никто его не открывал, никто не знает и знать не хочет, есть ли там книги или нет.

Не это ли разглядел государь-дед в отце моём, во всей нашей породе: недостаток должной пустоты? Пусть и волчок — но не из пустого ореха, а сплошной, деревянный. Чьей бы рукою ни был запущен — вертится, жужжит и не падает. И не хочет падать, главное.

Да уж. Ещё скажи сейчас словами мудреца Коси: благородный муж не игрушка! — и сам распишешься в том, что ты служилый, а не царевич.

Дитя может пускать волчок в одиночку, может — с кем-то наперегонки: чей дольше прокрутится, громче жужжит? Хотелось бы знать — одно ли и то же при этом чувствуют волчки? Забава одинокого или соперник другого волчка?

А раз хотелось бы знать — можно проверить. В правильно устроенном царстве всяк знает своё место, некому и не с кем тягаться. Но скажи-ка, Олень, ты уверен, что царство наше устроено так уж правильно? Тоже не думаешь? Тогда пошли.

21. Правый и левый

Дома младший советник о посещении Нанкана распространяться не стал — сказал только, что с госпожою опять не всё ладно. Это, конечно, мало что даст — если четверо юных сыщиков навалятся на верного Урасаку, тот выложит всё, что слышал и видел. Тем более что Рю теперь научилась у опытной мастерицы выкручивать ему руки. Ну и ладно, пусть

лучше дома сидят и обсуждают.

Сам же Намма, подкрепившись (в гостях-то он и угоститься толком не успел), лично отправился на поиски мастера Анраку. Лакировщица, как выяснилось, достаточно толково объяснила, где тот обитает. В мастерскую к нему младший советник заходить не стал, во избежание скверны: струны-то делают порою и из мёртвых жил, а не только из шёлка плетут. В святилище или во дворец после этого без очищения — нельзя! Послал за Анраку какого-то мальчишку.

Тот вышел, поклонился. Тоже понимает, что к чему, держится на почтительном отдалении. Мастер уже немолод, смотрит на грозного чиновника не столько со страхом, сколько с любопытством.

— Ты выполняешь заказы для Государевой сокровищницы?

— Да, господин. Выпадает порою такая честь.

— Когда тебе последний раз оттуда поступал заказ и какой?

— Да уж больше месяца минуло. Струны лютневые, полный набор. Для китайской, то есть — пять. Нареканий не воспоследовало, если что.

— Такие струны часто заказывают?

Старик чуть качает головой:

— Что назвать «такими». Не то чтобы для любой китайской лютни одни и те же подойдут. У каждой снасти — свой голос, тут надо всё учесть!

— Если я говорю «такие», — понижает голос Намма, — то имею в виду — точно такие.

Анраку кивает:

— Понял, господин мой. Но и ты изволь понять: моей вины тут нету. Если они там струны натягивали да порвали — это не моя вина, а тех, у кого руки кривые.

— Так. То есть из сокровищницы потом прислали за запасной струною?

— Никак нет. Во-первых — не за запасною, а за полным снарядам, за пятью. Что и правильно, конечно. Это базарный любитель струну порвёт — на другую

заменит. Знаток менять станет все.

— Знаток? — едва ли речь о Нанкане.

— Знаток, — улыбается старый мастер.

— Хорошо. А что — во-вторых?

— Так я уже, считай, сказал. Заказ не из сокровищницы был — прямо из самого дворца. Там, видать, звук и проверяли.

Младший советник на всякий случай задал несколько уточняющих вопросов — увы, всё подтвердилось. Новые струны были заказаны на следующий день после похищения лютни. И приходил за ними, по всему выходит, рассыльный от государева посланника.

То есть следствие зашло в тупик. Всё сходится на одной особе — и особа эта такая, что обвинить её никак не возможно. Или всё же можно? И именно из-за Бурового господина Конопляный дом направил Намму в Южный город? Но тогда получается, в Столице едва ли не заранее знали, кто украдёт Государево сокровище. По крайней мере — в Обрядовой палате. Но всё равно непонятно, чего от Наммы ждут: чтобы он замял дело или, наоборот, обрушил Государев гнев на неугодного вельможу? То есть на самом деле понятно: ждут, чтобы младший советник сам сделал правильный выбор без дополнительных сведений и приказов. Как же надоело...

Южное училище размещается во дворце. Даже если все потайные лазейки, какие помнит Намма по школярским годам, сейчас заделаны, новые непременно есть. Пробраться — именно сейчас, на ночь глядя — и всё-таки поискать, не спрятан ли Олень где-нибудь там. Ибо если бы помимо храмов и строительных работ господин Араси посещал ещё какие-то места в городе, мы бы это уже знали.

Конечно, предприятие отчаянное: если не можешь вернуть покражу законным путём, попробуй перекрасть. Затея во вкусе даже не барышни Наммы, а дикарки Рю. С другой стороны, издавна одна из задач семейства Намма, южной ветви Конопляного дома, —

просвещать дикарей. Отчасти извинительно одичать и самим.

Обыскивать дворец в одиночку, да к тому же тайно — работа до утра, да и то если действовать быстро. Но разве глава дома Асано не осведомлен, что обыск для сыщика Наммы — любимое занятие? Когда бы ещё, родич, ты получил на разграбление целый дворец? — усмехнулся бы старый Конопляник. О да, самое подходящее занятие для паломника...

А наткнушь на кого-нибудь, — рассудил младший советник, — скажу, что поступили важные сведения. Знаешь, мол, господин Буревой, твоё чутьё тебя не подвело. Не то чтобы все десять миров ополчились против тебя, но один негодяй нашелся, и его происки ещё возможно пресечь. (И не будем уточнять, что злодей, собравшийся тебя погубить — это ты сам...) Только дай мне времени до утра и не останавливай, даже если ход расследования покажется странным...

Впрочем, первым удивляться пришлось самому Намме. Неприметный выход из дворца за пятнадцать лет никуда не делся. А вот о чём младший советник не подумал — это что доведётся с кем-нибудь там столкнуться. Еле успел выскочить наружу. А из неприметной калиточки ему навстречу вышел не непутёвый школяр и не гулящий челядинец, а Буревой господин собственной особой. Без подобающей свиты, без фонаря. И в руках у него — нечто очень похожее на лютю в чехле.

Недаром он показался Намме человеком проникательным. Ну что ж, посмотрим, куда Государев посланник перепрячет сокровище. Или кому он сбывает краденое.

Так и двинулись через весь город — впереди господин Араси, позади, в двух десятках шагов, вдоль заборов — сыщик Полотняного приказа. Первому кланялись запоздалые путники; второго заметил только какой-то наблюдательный монашек, с понимающим видом склонил бритую голову и поспешил своей

дорогой.

Пройдя из конца в конец всю Главную улицу, Буревой остановился перед Южными воротами. Нандаймон тут как тут, склонился в поклоне, но посланник махнул раздражённо рукавом — и стражник исчез из виду. А господин Араси, не торопясь, расчехлил свою снасть — действительно, лютня! Темно, видно плохо, но на воротах, согласно уставу, висит фонарь — и в его луче на гладком дереве отсвечивают раковинные вставки и темнеет черепашья кость.

Отвесив в сторону ворот не слишком глубокий поклон, Буревой произносит — не в полный голос, но достаточно зычно:

— Кто бы ты ни был, обитатель Южных ворот, к какому бы миру ни принадлежал — мне не важно. Я слышал, что ты искусен в игре. Если это так — не хочешь ли потягаться? И надобно ли мне называть себя?

Почти сразу же откуда-то с верхнего яруса ворот доносится не менее ясный ответ:

— Кто бы ты ни был — изволь. Нужен ли нам судья?

— Если я довольно знаю себя и если правдивы рассказы о тебе — нет.

— Я демон, а демоны не только тщеславны, но и алчны. Будет ли заклад с твоей стороны?

— Вот мой заклад, — Араси двумя руками поднимает лютню.

— Неплохо, — отвечает демон Южных ворот. — А я тогда свою поставлю. Но разу нас нету судьи — как решим, кто из нас правый голос, а кто левый? Кому начинать и по сколько вещей играем? Или ведём один напёв, подхватывая друг у друга?

Буревой господин задумывается. С полупоклоном отвечает:

— Готов стать правым и начать, если угодно. Но время позднее — ограничимся одной песней и посмотрим, хватит ли этого для решения. Если нет — продолжим.

— Внимаю, — удовлетворённо отзывается невидимка. — Только подойди ближе.

Снова высовывается голова начальника охраны — кажется, он подаёт Государеву посланнику предостерегающие знаки. Но господин Араси спокойно делает несколько шагов вперёд, расправляет подол, и, с некоторым сомнением осмотрев крыльцо, садится на ступеньку. И берётся за бряцало.

Прежде Намма ни разу не слышал, как играет господин Буревой. Но, похоже, молва не лжёт: это великий мастер. Он выбрал «Плач о старом городе», напев, сложенный в ту пору, когда Государев двор переезжал отсюда в Срединную столицу. Печальный, но сдержанный, в старинном заморском вкусе — как и весь Южный город с его учёностью и благочестием.

Слушать бы, замерев, ловя звук за звуком — но младший советник осторожно пробирается ближе к стражникам. Одно дело на расстоянии многих вёрст пытаться угадать замыслы Конопляного господина. И другое — прямо тут, на месте, соображать: не устроено ли состязание нарочно? Не ловушка ли это, чтобы демон заслушался и его можно было схватить?

Если так, надо подниматься сейчас. Лучше не одному. Сыщик подаёт знак Нандаймону: идём наверх. Тот колеблется, потом отвечает шепотом:

— Мы — на стену. Перекроем выходы.

И добавляет:

— Как хочешь, а внутрь я к нему не пойду.

«Плач» умолк. Буревой опускает лютню на колени. Сидит неподвижно. Так тихо, что, к сожалению, слышно, как скрипит лестница под стражниками.

А мы ведь не знаем, сколько народу сейчас наверху ворот. При обороне города, если бы она однажды понадобилась, там бы разместились два десятка лучников. А у младшего советника при себе оружия нет, только печать и конопляная верёвка.

Для покушения на Государева посланника — самое время. Но — нет, сверху никто ничего не роняет и

не прыгает. Наоборот: над воротами раздаётся первый звук левого напева. Сыщик Намма пробирается мимо Араси, заходит внутрь ворот. Медленно поднимается по лестнице.

Напев незнакомый. Как долго он продлится, мог бы рассчитать более опытный музыкант, но не такой, как Намма. И вообще-то так поступать, как этот невидимка, не называется: играть на лютне. Это уж скорее игра на городских воротах, на всех их старых брёвнах и обширных пустотах. Удачно сел, отзвуками гудит целое здание сразу.

Не дворцовая музыка, но, пожалуй, и не храмовая. С повторами, с кругами — словно женщина скручивает нить, словно праведник вспоминает бессчётные свои перерождения. И не уловить — одно и то же на каждом обороте или чуть-чуть иначе звучат струны. И сколько уже времени он играет — младший советник тоже не уверен. До верху лестницы давно добрался, но понять, один ли там лютнист или с ним целая шайка — невозможно: старые ворота явно на его стороне. Намма даже не поручился бы, сидит музыкант или двигается — некоторые умеют играть на лютне на ходу...

Медленней, медленней — и стихло. Намма осторожно открывает дверь в надвратный покой — надо, надо было прихватить у стражников фонарь! Ничего не видно, а поначалу и не слышно. Потом снаружи, снизу, доносится голос Бурового господина — и звучит он как-то непривычно:

— Прекрасно. Не знаю этого напева... названия этого напева. Скажешь?

Проклятье! Смешок доносится с противоположной лестницы — и, похоже, демон (или кто он там) уже на пути вниз:

— «Волчок».

Младший советник бросается вниз по ступеням. Луна над Южным городом кажется ослепительно яркой — хотя, казалось бы, глаза не успели отвыкнуть от

света. Государев посланник удаляется по площади на север — прочь от ворот. Без лютни. А на крыльце кто-то рослый и тёмный склоняется над ступенькой, где тот сидел.

Ещё мгновение — и Намма бросился бы к нему, попытался бы сбить с ног. Но в это время сшибают его самого — это спохватившиеся стражники сыплются по лестнице вниз, не меньше чем втроём. Когда младший советник поднимается на ноги, он слышит:

— Всем стоять! Государева воля!

Едва ли демонское наваждение — голос Бурового. Но в то же время — и не совсем его. Сам господин Араси, полуобернувшись, смотрит через плечо уже у самого устья Главной улицы. Стражники замерли. А незнакомец подбирает лютню с крыльца, отчётливо хмыкает и скрывается в воротах.

Младший советник не пытается уже рассуждать — действительно ли он слышал, как передают непостижимый приказ Властителя Земель, или это самоуправство, или что ещё. Рванулся вслед за лютнистом — и снова чуть не упал. Обернулся.

— Не надо, господин, — качает головою Нандаймон, не сходя с Намминого подола, и глядит совершенно белыми глазами. — Я ж тебе говорил: он не по твою душу.

— На стене хоть кто-то остался? — шипит младший советник.

— Какая разница, — отвечает начальник охраны. — Разве такого перехватишь. И — мало ли что он тогда заиграет...

22. Подарок

Всё ещё ясно, но до несносной жары пока далеко. Мой скромный сад зарос бурьяном, но среди него распустились гвоздики. Прошу, приезжай взглянуть на их цветение.

Как мило со стороны госпожи Убаи! Никогда ещё барышне Намме не присылали такого взрослого приглашения в гости. И батюшка не запретит — барышня сразу, заранее объяснила ему, как это будет неприлично. Впрочем, господин Намма вчера вернулся поздно и с утра пребывает в некоторой рассеянности. Так что согласился даже без споров. Правда, распорядился, чтобы не только Урасака правил волами, но и Таро на всякий случай сопровождал. Ну, и Рю, конечно.

Обычно про бурьян говорят из вежливости, но у госпожи Убаи и впрямь довольно много сорняков в крошечном садике. Впрочем, гвоздики тоже цветут. Слуги остались с волами и возком, а барышня и Рю проследовали на крыльцо. Старшей госпожи Убаи не видно — наверное, отдыхает, а младшая очень приветлива.

Барышня Намма ещё раз выразила сожаление, что скоро уезжает и не сможет заниматься у наставницы:

— А мне хотелось бы! Хорошо, наверное, владеть по-настоящему каким-то искусством.

— Но в Столице, несомненно, тоже найдётся, у кого обучаться игре...

— Увы, госпожа не вполне знакома с нашими обстоятельствами... В общем, батюшка и матушка разъехались, а если учиться музыке — этим охотно займётся матушкина родня и никому больше не даст. Это же Обезьяний дом, род Государевых лицедеев и игроков! И тогда мне надо будет перебираться к матушке, а батюшка останется совсем один. Брат мой и так у Обезьянцев днюет и ночует. Получится нехорошо и обидно, а я не хочу батюшку обижать.

— Почтительность к родителям — великая добродетель, однако...

— А кроме того, — печально добавляет барышня, — я совсем не уверена, что сумею научиться. Так, чтобы по-настоящему, как ты или как матушкина родня. А

просто для забавы — это не то.

— Это верно, — соглашается Убаи. — Однако и музыкальное мастерство — не единственное, какое может освоить женщина.

— Ну а что ещё — чтобы по-настоящему? Слагать песни — с этим у нас у всех в семье не очень хорошо, даже у бабушки. Братец, правда, что-то сочиняет, но тут я не могу сказать, как у него получается, потому что по-заморски. А на родной речи и у него плохо выходит. Сама я китайских знаков знаю два-три десятка — какие уж тут стихи? Хотя, говорят, за морем жили такие грамотейки, что за своих мужей сочинения составляли для испытаний по службе. Но они-то китайский с детства знали!

— К тому же я не уверена, — замечает госпожа Убаи, — стоит ли мечтать о супруге, за которого придётся писать сочинения.

— С этим вообще всё сложно. Я представления не имею, за кого меня просватают! То есть он, конечно, будет грамотный и может быть даже даровитый, но всё равно выбирать-то не мне и даже, скорее всего, не бабушке, а Коноплянному господину. А его выбор предугадывать бесполезно — всё равно ошибёшься.

— А если бы выбор принадлежал тебе?

Барышня Намма задумалась:

— Не знаю... Конечно, лучше всего бы — если б жених оказался из бабушкиного Приказа. Но там вечный недобр молодых чиновников, знаешь ли! Есть один — наш родич, холостой и хороший, но он уже немолодой, и если до сих пор не женился — наверняка тому есть причина. И эта причина точно — не я.

— То есть ты бы предпочла, чтобы твой муж был подчинённым твоего отца? — кажется, госпожа Убаи не считает это лучшим выбором.

— Не в этом дело. Просто я говорю — ни в стихах, ни в музыке я не сильна совсем, в цветах не разбираюсь... Хотя твои гвоздики восхитительно изящны! Если муж будет сыщиком — я хоть буду знать,

о чём с ним можно поговорить. Ну, кроме как ругаться.

— Замужество за отцовским младшим сослуживцем или учеником... К начальнику или наставнику люди часто питают непростые чувства. И будь то подбострастие, или зависть, или страх, или даже искренняя преданность, всё равно: на службе мужчина копит эти чувства, а изливает их дома, в общении с женой. Боюсь, получается примерно так, как если бы всё время сознавать: у мужа есть другая, и все мысли его — о ней, даже когда он с тобой.

Тут-то барышня Намма и вспомнила, кто был учениками Убаиноного покойного батюшки. Но, конечно, ничего такого не сказала, а ответила лишь:

— Это, наверное, случается, даже если муж не значится прямым подчинённым или учеником своего тестя. Вот — несчастная госпожа Нанкан: разве легка её жизнь? Может, как раз поэтому...

— Может быть, — кивает госпожа Убаи. — Я тоже не думаю, что она одержима злым духом. Иначе Дозорный господин возревновал бы. Или воспользовался бы несчастьем родного дитяти, чтобы снять с должностей каких-нибудь монахов. За нерасторопность и неумелость в изгнании духов.

Вот все толкуют: дама не должна выражаться настолько прямо! А госпожа Убаи себе позволяет, и ничего. Не может же быть дурным воспитание у дочери Государева наставника! Или это потому, что она — монахиня и ей нельзя лгать?

— Госпожу Нанкан всё равно жалко. Даже если она страдает назло супругу. Это многие делают, но при том не озабочиваются тяготами простого народа. А она за одну девушку заступилась, которую оговорили.

— Я знаю.

— Ой, а вы тоже потихоньку это дело расследуете? Я так и знала, что не такое уж оно тайное. Ну, по крайней мере, для тех, кто несёт сан в Южном городе.

— То небольшое, что я знаю, мне поведали не

монахини, а наша с матушкой костоправка.

— Хорошо, что её делу можно немножко научиться быстро, — вставляет Рю. — То есть я хотела — осмелюсь сказать... Яся — моя наставница!

— Тебе повезло. Она — мастер своего дела и может себя им прокормить. Это немало.

— Но мне такое занятие, конечно, не подходит, — вздыхает барышня Намма. — Окажись муж сыщиком, я хотя бы смогла бы ему давать советы. А если он окажется кем-нибудь из налогового ведомства, или из Конюшенного, или вообще календарщиком — то-то дурой я получусь!

И уж лучше даже не думать, как быть, если он эти налоги воровать будет, или конский корм, или исказить свидетельства звёзд... Сообщишь в Полотняный приказ такое о муже — все будут в ужасе; не сообщишь — тоже плохо подумают. Но такое даже с госпожой Убаи лучше не обсуждать.

— Может быть, всё получится не так печально, — утешает хозяйка. — Бывают мужчины, которые умеют и жен, и детей пристрастить к тому, что увлекает их самих. Даже, поверишь ли, к соколиной охоте — был такой случай в прошлое царствование.

— Да я-то вроде как уже... ты ж сама говоришь — «и детей...»

— Хотя охота — это всё-таки очень неплохо, — снова вмешивается Рю. — И даже похоже на Полотняный приказ. Только не с соколами, это не твои птицы.

Если Рю начнёт сейчас рассуждать насчёт всех этих южных поверий — придётся многое объяснять. К счастью, госпожа Убаи словно бы пропустила её слова мимо ушей.

— Такое увлечение, сыскное, может оказаться полезным даже при муже из совсем иного ведомства. Или вовсе в отсутствие мужа. Внимание, наблюдательность и умение сопоставлять уже известное — всё это присуще женщинам не менее чем

мужчинам. Более того: женщины при этом не настолько ограничены служебными уставами и правилами.

— Почтительно благодарю за ободрение, — мрачно склоняет голову барышня Намма. — Только мало кто это признаёт. Даже мой батюшка, хотя он лучший сыщик Столицы, иногда склонен пренебрегать женскими советами.

А госпожа Убаи, кажется, думает всё о своём:

— А ведь знаешь, как ещё бывает? Наилучший из кавалеров: верный, с мягким сердцем, даровитый и даже не склонный к опасным выходкам. Но и такой может безвременно скончаться, оставив даму одну или с детьми. И что же тогда? Начинать всё сначала, все эти... поиски опоры для хрупкой лозы? А иной и жив, но нездоров, или, избавьте боги, службою доведён до истощения. Или озаботился вашей с ним общей будущей участью и всем сердцем обратился к Закону Просветлённого... Много способов они знают, как оставить женщину управляться в одиночку.

Так и было с нею самой? Она любила, и не кого отец велел, а совсем другого, только тот ушёл в монахи? Или вообще умер?

Госпожа Убаи поднимает опущенный взор и улыбается:

— Впрочем, что до твоих наследственных увлечений — у меня есть для тебя гостинец. Подожди-ка.

Уходит в дом — и тут же возвращается с большим свёртком. Который и разворачивает прямо перед барышней Наммой:

— Я полагаю, ты сумеешь ею распорядиться наилучшим образом.

Теперь, наконец, понятно, почему эту лютню назвали Оленем. Дерево какое-то заморское, рыжеватое, в светлую крапинку, как оленья шкура. Поясок выложен раковинным белым узором — может, он что и значит, но барышня не настолько сильна в китайских древностях. Шея тёмная, колки длинные.

Красиво!

— Ах! Вы её нашли!

— Ну не украла же из сокровищницы, — Убаи по-прежнему улыбается.

— А где?

— Там, где её положил тот, кто тоже лютню не крал. Алчность — порок: разве мало найти пропажу? Ты хочешь заодно и вора разоблачить? Он, сдаётся мне, уже без Полотняного приказа понёс свою кару. Даже, может быть, заранее.

— Ладно, — кивает барышня, — может, сама разберусь. А — тебе не жалко?

— Нет. Мы с тобою об этом говорили в прошлый раз... ну вот — это совсем не моя снасть. Сказать по чести, даже не знаю, кому бы из ныне живущих она подошла.

— Государю?

Но госпожа Убаи с сомнением качает головой.

И тут разговаривать стало сразу очень сложно. Потому что допрашивать госпожу монахиню, сделавшую такой подарок, ну никак нельзя, а о чём-то другом толковать, даже о любви, уже не очень получается. Убаи, кажется, это поняла и задерживать не стала — ей же тоже надо молиться, и вообще...

Уже выходя за ворота, Рю шепнула:

— Там в доме кто-то есть.

— Конечно, есть. Служанка, мы в прошлый раз видели, старая госпожа...

— Нет. Кто-то пришёл, пока вы говорили. Может, он и положил Оленя там, где она его нашла? Прямо тут, в доме?

Барышня хотела было сказать, что так быть не может: госпожа Убаи ведь посулила гостинец ещё на крыльце, не заходя в дом. Но тут обе уже дошли до возка, отодвинули занавеску — ах! Там сидит младший советник. Смотрит на свёрток в руках у дочери — и всё выше поднимает брови. Даже белила осыпаются!

Заключение

В пятый день по прибытии Властителя Земель в Южный город коротали вечер за скромным угощением и музыкой две монахини в миру — пожилая и помоложе — и их гость, здоровенный детина, про которого непросто сказать, монах он, мирянин или что-то третье. Был бы из храма — одевался бы в чёрное, белое или жёлтое, а этот в красно-зелёном, но сшитом из лоскутов, как монашеский плащ. Был бы отшельник — звенел бы кольцами на посохе, а не бряцал на лютне. Был бы мирянин — носил бы причёску по чину и званию, а он когда-то недавно, видимо, брился, но сейчас и голова, и щёки обросли щетиной. Учтивый кавалер развлекал бы монахинь беседою с крыльца, простолюдин не посмел бы пройти дальше сада. Этот расположился в доме за столиком, но поданы ему не святые книги, не утварь для обряда и не травы с кашей для постной трапезы, а брага и пирожки. Монахини, впрочем, тоже угощаются. И сплетничают: о том же, о чём весь город.

— При высочайшем посещении сокровищницы ни о каких оленях и речи не зашло. Говорят, осмотрел бегло все музыкальные снасти, но в руки ни одной взять не изволил. Господин Нанкан после вышел победительно — и тестю своему Дозорному дерзко в глаза посмотрел. Отставки не просил.

— И не получил. Пока, — уточняет старушка.

— Досточтимый Тэмборин в рядах старейших наставников преподнёс во дворец длинный список надобностей здешних храмов. Высочайшим решением та грамота была сокращена вдвое, оставшиеся же нужды милостиво удовлетворены.

— Он, кого и назвать не смею, с отрочества отличался умеренностью.

— Но вообще-то доволен? — спрашивает гость.

— Не нам судить о чувствах Властителя Земель...

— ...разве что по лицу Буревого господина, тот его всюду сопровождал. Вот ежели Буревой кого глазами выискивает, значит, Государь гневается.

— Если господин Араси хмурится...
— ...стало быть, Государь доволен.
— Если усмехается криво, словно бы у него, бедного, зубы ноют...

— ... то хорошо: Государь преисполнен благоговения перед святынями Закона.

— А когда Буревой спокоен? Мне-то он всё время таким казался.

— На самом деле спокойным он не бывает. Когда выглядит таким, это значит, Государю скучно.

— В общем-то, — заключает пожилая монахиня, — за эти годы они оба мало изменились.

Гость в красно-зелёных лоскутьях протягивает огромную пятерню, берёт с подноса ещё пирожок и задумчиво его жуёт. Всё лицо ходит ходуном — иные дамы при виде такого уже в ужасе попрятались бы. А глаза круглые, ласковые — совсем неожиданно на такой роже.

— А что с той девочкой, за которую ваша костоправка хлопотала?

— Шла вроде бы в шествии здешних наших лакировщиков, что Властителю Земель подносили лучшие свои изделия. Умыли её, приодели, причесали — и не скажешь, что под замком месяц просидела, — улыбается старшая монахиня, а младшая хмурится:

— Костоправка и рада, и злится. Рада, что подружку отпустили и ни в чём не винят, а фыркает — что та со своим резчиком не рассорилась, хоть он ради неё пальцем не шевельнул. Даже наоборот — дело, кажется, к женитьбе идёт.

— Не жалеешь? — спрашивает её гость, неучтиво глядя прямо в лицо. Та поводит плечом:

— О чём жалеть? Что они женятся? Их дело, я им не сваха. Что Яся в гневе? Так ей оно на пользу, у неё дело такое, что злость в работу перевести можно.

— Верно, верно, — кивает старушка. — Если б не эта девица, я бы уж пластом лежала. И берёт недорого.

— Что лютня в сокровищницу вернулась? —

продолжает младшая. — Мне она не нужна, тебе — тоже, раз отдал. Хотя тебе всё же стоит разжиться новой снастью — не всё ж на моей-то бряцать.

— Раздобуду как-нибудь, — обещает детина. — Слухи про то ночное состязание разошлись — авось ещё кто захочет потягаться.

— И соберёшь ты под конец тысячу лютен, — смеётся старшая монахиня, а младшая ворчит:

— Смотри только, чтоб кто-то из них тебя не переиграл — а то так мы и останемся без монашья лютни!

— Чего я не заметил, — переводит разговор гость, — так это куда делся тот маленький полотняный чиновник.

— Исчез, со всем семейством и с великой поспешностью. И успел-таки разминуться с Государем!

— Даровитый муж. Только вот парню его в стрельбе ещё упражняться и упражняться.

— С сыном его я не познакомилась — только с дочкой.

— Я вот тоже думал: а не разминуться ли мне с Властителем Земель? Потом решил: с чего бы? Я же город не разоряю, пожрать никого не пожрал, даже окрестности оглашал не диким рёвом, а струнным звоном. Ну и опять же — когда ещё доведётся Государя увидеть?

— Вот как? Так ты его даже — видел?

— На самом деле — нет, с ворот только носилки занавешенные разглядел. А вот он меня почуял точно. И в сердце своём молвил: «Гм!» Но, наверное, тоже счёл, что от меня этому городу вреда никакого, а польза есть. Не изволил изгнать демона.

— То есть, — медленно произносит младшая монахиня, — ты в очередной раз убедился, что ты — демон? И сам Властитель Земель, получается, подтвердил?

— Ну, подтверждение даже не было обязательным. Но ведь вам не зазорно с демоном

знаться? А если и зазорно — так поздно уже...

Старушка отодвигается от столика с пирожками, прикрывает губы рукавом. Говорит — тихо, но внятно:

— Властителя Земель ты, может, и обморочил. С нами — не пройдёт. Мы учёные.

— О чём ты?

— Во всех книгах написано, что демоны преумножают число своё путём превращения. Может грешник возродиться демоном, грешница — демоницей. Может святой заступник принять демонский образ в назидание людям.

— Матушка! — пробует остановить её младшая. Музыкант с Южных ворот переводит озадаченный взор с одной на другую

— Но вот чтоб человеческая женщина от демона понесла — такого никогда не бывало, — решительно заявляет старуха. — Ибо принадлежат они к разным мирам. И каков вывод, вопрошу? А вывод тот, что ты — не демон!

— Правда, что ли? — смотрит тот на младшую. Та отводит глаза, но кивает.

— Так что вот отбудет Властитель Земель, — продолжает старшая монахиня, — и пора бы тебе браться за дело. На одних девочках-ученицах троим не прокормиться, а у нас же и служанка ещё! Мальчиков обучать нам никак не пристало. А тебе — в самый раз.

— Демон Южных ворот набирает учеников? Страшно подумать, чем тебе придётся брать оплату! — хихикает младшая.

— Чем брать плату, я уже обдумала, — отвечает её матушка. — Но, конечно, ни о каком демоне речи быть не может. Странник и странник. Грамоту о посвящении я тебе раздобуду. А уж если какие слухи пойдут насчёт демона — мы будем решительно всё отрицать. Слова лжи не молвим!

— Да... — задумчиво откликается бывший демон. — Хоть и ведомо мне, что всё зримое — лишь марево и наваждение, но всё же теперь нет у меня сомнений: я

вернулся в Южный город. Передай-ка мне лютню!
Отвесил собеседницам поклон — и заиграл.